
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Леонид Иванов
(г. Тюмень)

ПРОГУЛКА ПОД ТРИБУНАЛ*

Леонид Иванов — постоянный автор нашего журнала. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Руководитель Тюменской областной организации Союза писателей России.

Современный Город Воинской славы Полярный; основан в 1899 году под названием Александровск как главная база вновь создаваемой Флотилии Ледовитого океана: вид на западную оконечность Екатерининской гавани и острова Екатерининский. На переднем плане — здание, в котором в Великую Отечественную войну располагался главный штаб Северного флота СССР.

© А. Ямаш из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота».

— Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга!

— Держи краба! — Хозяин вытянул вперед руку с растопыренными пальцами, будто готовясь взять мяч.

Вадим хорошо знал это морское приветствие, сделал точно так же, и две руки ухватились друг за друга, не сильно впившись ногтями в запястья.

— Молодец! Где служил?

— Видяево.

— Офицер?

— Нет, три года срочной службы на флоте. Главстаршина.

* Глава из романа «Люди добрые».

— Морской волк?

— Увы, практически всю службу в штабе просидел. Стыдно признаться.

— А чего стыдиться? На берегу тоже кому-то надо. Я вон тоже вскоре после войны на берег был списан. В отставку ушел из КЭЧ. Знаешь, что это такое?

— Кто же не знает? Квартирно-эксплуатационная часть. Вроде нашего домоуправления.

— Ну, да, ну, да. Вроде домоуправа и служил.

— Извините, мне говорили, что Вы — капитан первого ранга.

— Считай, что я домоуправ с погонами. А что мы стоим? Проходи к столу, присаживайся. Уж коли приехал, так, наверное, дела есть? Поговору явно нездешний.

— Из Ленинграда.

— Вот-вот, знакомый говор. Я ведь в молодости мореходку в Ленинграде заканчивал, а потом и академию. А Вы, молодой человек, чем занимаетесь?

— Учусь в университете, на журфаке. Здесь на практике.

— Ага! Значит, приехал заметку обо мне написать?

— Хотелось бы очерк.

— А что, более интересных кандидатур не нашлось?

— Мне сказали, судьба у Вас очень интересная, — сознался Вадим.

— Судьба, брат, у каждого интересная. Зависит, как на нее посмотреть.

— Говорят, судьба Вас сильно потрепала...

— А кого она не трепала? Ты мне покажи такого человека, который войну пережил, хоть на фронте, хоть в тылу, да чтобы его судьба не трепала. Всем с лихвой досталось. Вот и я не был исключением. Только вспоминать о том тошно! Думаешь, легко старые раны беречь, в душе ковыряться? А вашему брату что? Заскочил на полчаса, биографию расспросил и бегом заметку строчить. Да отсебятины столько напридумываете, что людям в глаза стыдно смотреть.

— Я не спешу, — извиняющимся тоном сказал Вадим. — Меня только в конце дня машина на обратном пути подберет.

— Тогда другое дело. Тогда раздевайся, будем чаевничать. Правда, говорят, чай — не вино, много не выпьешь.

— А у меня есть, — засуетился Вадим и начал доставать из сумки купленную специально для этой поездки бутылку «Столичной».

— Да спрячь ты свое барахло, — махнул рукой хозяин. — Я казенную редко употребляю. У меня — свое. В сто раз лучше магазинного. Там же отравы, сивуха одна, а у меня собственная система очистки. Сейчас попробуешь, за уши не оттащить.

— Я вообще-то к спиртному не очень, — поспешил упредить Вадим.

— А кто очень? Я что ли очень? Но если повод хороший, то почему по стопочке-другой не принять? Например, за знакомство. Не часто тут у меня ленинградские гости бывают.

— Да я не в гости. Я по работе.

— Ты, молодой человек, у меня в доме, значит — гость. А по какой надобности — не суть важно. Извини, разносолов ленинградских у меня нет, но чем закусить, найдем.

— Да Вы не беспокойтесь...

— И не беспокойство то вовсе. Закон гостеприимства.

Хозяин вышел в сени, вернулся с какими-то мисками в руках, начал доставать из них квашеную капусту, соленые огурцы, копченое мясо. Разложил все это по тарелкам, поставил рядом с ними стопки, из шкафа достал бутылку с какой-то желтого цвета жидкостью.

— Вот, настойка собственного приготовления. С чесноком. А хочешь, принесу на морошке, только от нее наутро голова болит. А все равно люблю морошку. Это еще с войны. Почему-то в войну ее столько было! Никогда позднее так много не видывал.

Ненцы говорят, что это самая главная ягода на Севере. Ну, давай за знакомство. Как тебя по имени-отчеству?

— Вадим. Вадим Раевский.

— Ишь, фамилия-то какая — знатного рода. Оттуда идет? — хозяин большим пальцем показал за спину.

— Оттуда, — заулыбался Вадим.

— Ну, а я крестьянского рода. Из этих мест родом. Безруков Алексей Васильевич.

— Очень приятно!

— Ты эти интеллигентские замашки пока оставь, давай по-простому. Ну, за знакомство!

— Вадим пригубил, пробуя напиток на вкус.

— Не понравилось с чесноком? Могу дать на клюкве, на бруснике, на ягодах можжевельника. Могу — с перцем.

— Нет-нет, я просто пробую.

— Знаешь, был такой старый анекдот. Едут в купе поезда Москва — Киев негр и хохол. Негр достает какие-то диковинные заморские фрукты и начинает есть. Хохол долго смотрит, потом робко спрашивает: «Извините, что это такое, можно попробовать?». Негр ему дает одну штуку, хохол съел, достает из чемодана шмат сала, кладет на стол, кусок отрезал и начинает есть. Негр говорит: «Извините, а что это такое? Можно мне тоже попробовать?» — «Та шо его пробовать?» — отвечает жадный хохол. — Сало як сало». Вот и здесь, что ее пробовать? Самогонка как самогонка, только на разных ягодах настояна.

Вадим допил содержимое стопки, закусил кусочком копченого мяса.

— Алексей Васильевич, Вы говорили, что морошка Вас от смерти спасла. Как это?

— Ранило меня. Я тогда в штрафной роте служил. Как говорили, должен был или погибнуть, или вину кровью искупить. Теперь, наверное, мало кто и знает, что немцев с финнами на Кольском полуострове в некоторых местах ведь так и не пустили границу пересечь. Отстояли наши рубежи. Но бои на протяжении всей войны до сорок четвертого были жесточайшие. Наши, мало того, что оборону держали, частенько в тыл десант забрасывали, чтобы врага в постоянном напряжении держать, чтобы он вынужден был с линии фронта силы оттягивать на оборону своих баз. Ты же знаешь, как на Кольском полуострове, так и дальше туда — сплошь заливчики разной величины. Ну, у нас это называется губа, у них фьорды. В этих фьордах военные корабли да подводные лодки на боевом дежурстве прятались, а как идет конвой с грузом по ленд-лизу, они неожиданно и нападали. Вот наша морская пехота на торпедных катерах да морских охотниках рейды в тыл и совершала. Если корабль или лодку уничтожить не удастся, так хоть в фьорде этом запереть, не дать возможности выйти.

— Я где-то читал об этом. В том числе «Реквием каравану PQ-17» Пикуля.

— Верно. Но он про караван писал, а про морскую пехоту мало что рассказано. А жаль, героические были ребята. Одна операция на мысе Пикшуев чего стоит! Легендой стала. Там враг такой сильный оборонительный узел из трех укрепленных пунктов, подготовленных для длительной круговой обороны, создал, что ни с какой стороны не подступишься. Все из камня и бетона. А уничтожить этот узел надо было во что бы то ни стало. Долго операцию готовили, несколько сотен морпехов задействовали, на девяти судах с Рыбачьего десант забросили, с двух сторон в половине пятого утра подошли и атаковали, а к восьми утра все два десятка сооружений уже были взорваны. Наши потери — шестьдесят человек убитыми и ранеными.

— Вы тоже там были?

— Я был капитаном одного из трех морских охотников. Знаешь, что это за корабль?

— Кажется, видел в музее.

— Кажется, видел... Эх, вы, молодежь! Историю надо знать! А как же? Те, кто на больших кораблях, к нам с некоторым превосходством относились, я бы даже сказал, с таким пренебрежением. Эй, кричали, на мошке, далеко от берега не уходи, в море унесет! Корабль маленький, юркий, скоростной. Мы ставили глубинные бомбы против подводных лодок, на нас охотились самолеты, но и мы тоже были вооружены зенитками, поэтому бывало, что мы эти самолеты сбивали. На счету некоторых кораблей было по несколько сбитых самолетов. Для высадки десанта тоже нас да торпедные катера использовали. Скорость большая, под прикрытием берега могли близко подойти. Нас нередко вместе и использовали. Торпедные катера могли спрятавшиеся в шхерах корабли потопить, а мы на выходе глубинные бомбы поставить, чтобы подводные лодки там запереть. Вот за одну такую операцию я и получил орден Красной звезды, который потом профукал.

— Как это?

— А вот так! Дурак был! Ухарь! Вот и профукал.

— Потеряли?

— Можно и так сказать. Лишили.

— А разве наград лишают?

— Лишают, молодой человек, лишают. Правительственным указом, так же, как и награждают.

— Извините, а за что Вас лишили?

— Не люблю я это вспоминать! Говорю же, дурак был. Давай еще по чуть-чуть.

Алексей Васильевич наполнил рюмки, чокнулись, выпили. После долгого молчания хозяин заговорил:

— За что спрашиваешь? А вот за это самое,— и он кивнул на бутылку.— Откомандировали меня в Полярный новый корабль получать, а старый в капитальный ремонт поставить. И встретил я там своего старого друга. Он тоже прибыл новый торпедный катер получать. Выпили за встречу, а вечером концерт. Наши оба экипажа на него попали. И так мне одна певица из хора глянулась, просто смотрю на нее, и сердце щемит... Вот именно тогда я и поверил, что бывает она — любовь с первого взгляда. После концерта экипажи свои отвели на корабли, снова с ним встретились. Хорошо так посидели, поговорили, еще добавили. Я все его подбиваю, мол, давай узнаем, где артистов разместили, да в гости сходим. Тушенки возьмем, спиртику, их ведь, наверняка, хуже нас, моряков, кормят. Но война, комендантский час, куда там ночью погрешься? Патрули везде. Назавтра узнали, что артисты обратно в Мурманск уехали, а нам команды возвращаться все нет, и нет. После обеда опять выпили, а он в шутку и говорит, мол, давай, в Мурманск к артисткам этим смотаемся на торпедном катере. Что там, каких-то тридцать километров! Всего и делов-то. Сначала посмеялись, а мысль в голове засела. Когда еще спиртику добавили, к этой теме и вернулись. Он своим команду подает, и вперед!

— Нашли своих артисток? — перебил Вадим?

— Да какой там! Нас перехватили, едва отчалить успели. Обоих под трибунал. Разжаловали, наград лишили, поскольку в положении об ордене Красной звезды сказано, что награжденный должен служить примером не только храбрости, самоотверженности, мужества, но и образцово нести военную службу. А мы какой образец показали? В военное время без приказа, можно сказать, с передовой в тыл боевой корабль угнать пытались. Хорошо, что не к расстрелу приговорили, обоих в штрафбат, вину кровью искупать.

— Сурово!

— Сурово, конечно, но иначе нельзя было. Дай слабину, такое начнется. И отправили нас обоих матросами. Сережку в первом же бою и убило. Я ту смерть так себе до конца жизни не прощу, потому что я ведь, если по сути, его на эту авантюру

подбил. Но казни себя не казни, а человека с того света не вернешь. Я тоже ранен был. Тяжело. Выброска у нас тогда неудачной была, катера немцы потопили, нас в тундру отогнали, там из самолетов добивали. Кое-кому удалось вырваться, а на остальных похоронки домой отправили. На меня тоже. А я вот выжил. В обе ноги ранило, крови много потерял, идти не мог, а ползком далеко ли уползешь? Вот морошка и спасла. Да хорошо, что ненец один теми местами стадо свое перегонял подальше от стрельбы, на меня его собаки наткнулись. Подобрал, олешка молодого забил, меня кровью свежей напоил, выходил, потом к нашим вывез. После госпиталя в морскую пехоту перевели. Там в первом же десанте на подходе к берегу нам очень сильный отпор дали, под такой обстрел попали, что словами не высказать. Многие еще на борту погибли, командира «мошки» тоже убило, я на себя командование взял, высадились, и хоть мало нас осталось, навели врагу шороху. За ту операцию мне лейтенанта дали. Так снова офицером стал, опять на корабль перевели. Потом еще одна похоронка была. Также в сильный переплет при десантировании попали. Выход для лодок заминировали, а при отходе нас затопили. Берегом к своим две недели выбирались. По сопкам хаживал?

— Бывало. Однажды хотели с двумя друзьями Баренцево море посмотреть. Двенадцать часов шли, полярный день, солнце круглые сутки светит. Идем-идем, вот, думаем, за этой сопкой точно море видно будет, а там другая сопка, потом еще одна. Так до моря и не дошли, поняли, что надо обратно возвращаться, а то хватятся нас, накажут за самоволку. Почти сутки бродили, вымотались, еле до казармы доплелись. Ноги потом целую неделю болели.

— Вот-вот! Мы по этим сопкам точно так же выходили. Только была не середина лета, а глубокая осень. Снегом впадины забило, как только ноги не переломали, до сих пор диву даюсь. И как нас в черных бушлатах с самолетов не заметили, когда в короткие сумеречные дни они неподалеку пролетали?

— А как вы через линию фронта?

— А тут нам просто повезло. Услышали бой, продвинулись в ту сторону и ударили врагу с тыла. Нас хоть и мало было, но нападение с тыла панику посеяло. Так с нашими соединились, и вместе с ними обратно вернулись.

— За этот бой Вы очередной орденом получили?

— За операцию. Этот бой был так. Попутный. Вообще, должен сказать, мне всю войну везло. И ранения еще были, и ситуации разные, а всегда живой оставался. Будто заговоренный.

— В приметы верите?

— Да как тебе сказать? Вот в бога не верю, а в приметы разные верю. Жизнь поверить заставила, потому что столько раз какая-то неведомая сила, интуиция, что ли, выручала, что нельзя не верить. Верующие, наверное, бы сказали, что ангелы-хранители берегли. Ведь две похоронки родные получили, а я оба раза жив остался.

— Скажите, а с девушкой той, с артисткой, так больше и не виделись?

— А как же! Я ее после войны отыскал. Вот представь, каково было искать, когда ни имени, ни фамилии не знаешь! А нашел. Оказалось, замужем она уже тогда была. Муж — офицер. Так ведь отбил я ее!

И Алексей Васильевич расхохотался. Просмеявшись, он наполнил стопки:

— Давай помянем. Замечательная была женщина! А уж любил я ее до самой смерти. Поверишь ли, больше ни на одну женщину даже не поглядел. Знал, что другой такой во всем мире больше нет.

— А дети Ваши где?

— Не получилось у нас с детьми. И в первом браке у нее детей не было, и со мной не получилось. Собственно, с первым мужем она и жила всего ничего. Перед самой войной поженились, а как война началась, Мурманск, ты знаешь, очень сильно

бомбили. Немцы с финнами ой как рвались, чтобы порт и железную дорогу захватить. А коли так не получалось, то они бомбежки страшные устраивали. Однажды во время налета осколком и мою, ну, тогда еще не мою, Анфису и ранило в живот. Операцию сделали, все зажило, а что-то, видно, повредило, раз с детьми не получалось. Думали, конечно, что может не по климату ей там, она до того, как в ансамбль попасть, в Любани, в Белоруссии жила. Но и на родину в отпуск ездила, и на курорты, не помогало. А когда я в отставку вышел, мы здесь дом купили. Я тут неподалеку родился, и родные мои все тут похоронены, а я уже без воды не могу. Но в моей родной деревне речка маленькая, а тут вон какое озеро. Утром встанешь, в окно глянешь, будто море перед тобой раскинулось. Я как этот дом окнами на озеро увидел, так сам себе и сказал, все накопления отдам, но не отступлюсь — выкуплю.

— Дорого получилось?

— Совсем пустяки. Старушка тут одна жила, к сыну в город увезли с внуками нянчиться, за бесценок продали. Все одно, говорят, так сгниет никому не нужным. Анфисе моей то ли не по климату тут пришлось, то ли что другое, но она быстро таять стала. За два года и растаяла. И никакие лекарства не помогли, ни бабки разные с их травами и заговорами. С моими родителями рядом и похоронил. Теперь вот один небо копчу.

— Вам, я думаю, просто так коптить не дают. Праздник Победы близится, в школы, наверное, приглашают перед детьми выступить.

— Да приглашают, конечно! А что я им про войну-то скажу?

— Да у Вас вон какая биография богатая! Орденов несколько, ранения, похоронок. Про тот первый орден опять же.

— Что просрал его? Да кому это кроме меня интересно?

— Хотя бы в качестве примера, чем иногда элементарная глупость оборачивается.

— Да разве кто на чужих ошибках учится? Каждому свои шишки набить надо, вот тогда он поймет. А чужие они и есть чужие.

— Да, но у Вас и о подвигах примеров много. О чужих, о своих.

— Вот скажи ты мне, молодой человек, как про войну рассказать, чтобы там подвиг был виден. Там кровь, смерть, там жуть. А подвиги? Может, со стороны это подвигом кажется, а там зачастую у человека просто выбора нет. Или погибнуть трусом, или сломя голову вперед под пули в надежде, что твоя мимо пролетит, и ты на этот раз жив останешься. То же и на корабле. Там не о подвигах думаешь, а что сделать, чтобы снаряд или бомба мимо пролетела. Это вон в кино да в книгах все красиво получается. Герой долго думает, куда шагнуть, что для смелости крикнуть, как в рукопашной действовать. А в жизни у тебя на раздумья доли секунды нет, исключительно на автоматизме что-то делаешь, бьешь сам, уворачиваешься от удара врага, стреляешь, если патроны еще не кончились. Читаю я иногда в газетах воспоминания участников войны, стыдно за них становится. Такого напридумывают то ли сами, то ли ваш брат, корреспонденты, что диву даешься, какие немцы дураки были, и какие мы умные да отважные. Есть, конечно, краснобаи, складно рассказывать умеют. Но, мне кажется, не пережитое собой они рассказывают, а вычитанное из книг да газет, где все намного складнее да красивее подано, чем это на войне было на самом деле. Вот этого бахвальства я и боюсь. Раз придумал, второй, а потом понесет так, что и сам в выдумки поверишь, а еще через какое-то время и правду от выдумки отличать перестанешь. Ладно, давай эту тему оставим, лучше еще по чуть-чуть. У меня от этих разговоров даже давление поднялось. Давай, для расширения сосудов.

Елена Аверьянова
(г. Архангельск)

Родилась в 1960 году в городе Вельске Архангельской области, по образованию экономист. В 1991 году окончила ВЗФИ (Архангельский филиал). С 1996 года занимается живописью в художественной студии Сверчкова А. С. при Архангельском музее изобразительных искусств города Архангельска. С 1998 года — участница различных выставок. Имеет ряд персональных выставок (1999—2010 гг.) и публикаций о ее творчестве. Пудликовалась в Литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», газете «Щекинский вестник».

Моим родителям — отцу Борису Константиновичу Шеру и маме Капиталине Ивановне Шер посвящаю...

СКАЗОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Был обычный зимний, слегка морозный вечер. Мы с родителями пошли провожать домой мою подружку, которая после садика гостила у нас. На улице шел снег, ветра не было, и поэтому снег медленно кружился и падал на нас крупными хлопьями. Снежинки были такие большие, что можно было рассматривать их рисунок. Пройдя немного по улице, нас остановила мама и, обращая наше внимание на причудливые узоры природы, сказала:

— Взгляните, это Дед Мороз присылает вам привет из своего далекого, зимнего царства и каждый привет в виде снежинок не похож друг на друга.

Мы охотно в это поверили и принялись с большим интересом и любопытством разглядывать снежинки, а потом, показывая их друг другу, торопливо говорили:

— Смотри, какой большой-пребольшой и красивый привет прислал мне Дедушка Мороз,— восхищалась я, поднимая рукав своей шубки к самому носу, пыталась более внимательно рассмотреть снежные узоры.

— Ага, очень красиво! А смотри, что мне прислал Дед Мороз! — радостно проговорила моя подружка, показывая нам с мамой свою варежку, на которой лежали снежинки.

Нас очень увлек мамин рассказ о Деде Морозе. Мы стали пытаться поймать на лету как можно больше снежинок, вернее, приветов из северного царства. Мы подпрыгивали, бегали за снежинками, стараясь поймать самую крупную, пока та не коснулась земли. Так, веселясь, смеясь, кружась и ловя снежинки, мы продолжили свой путь. Чтобы хоть как-то нас утихомирить, мама решила переключить наше внимание.

— А теперь остановитесь и посмотрите вверх. Видите, как красиво мороз украсил каждую веточку дерева? — спросила она.

И, действительно, подняв голову, мы увидели сказочную картину: над нашими головами в свете фонарного столба блестел на ветках иней, а крупные снежинки, переливаясь на свету, блестели серебром и падали прямо на наши носы.

— Чтобы дерево не замерзло,— продолжала мама,— мороз одел его в красивую снежную шубу. А теперь, посмотрите, у каждого дерева свой зимний наряд.

И правда, взглянув на деревья вдоль улицы, по которой мы шли, нам и впрямь казалось, что мы идем по сказочной аллее в зимнее царство. Деревья склонили над тротуаром свои заснеженные, сверкающие инеем ветки, неторопливо падал снег, и это создавало иллюзию сказочной дороги во дворец к Деду Морозу. Мы немного успокоились, взяли друг друга за руки и дружной компанией — мама, я, подружка и папа — продолжили свой путь. А мама продолжала нам рассказывать о зимних чудесах Деда Мороза, о его внучке Снегурочке, и о том, как все вокруг сказочно красиво и чудесно. Так, не торопясь, слушая мамин рассказ, мы дошли до дома, где жила моя подружка. Перед тем как свернуть с дороги во двор папа спросил:

— А хотите, я сейчас попрошу Деда Мороза, чтобы он вас превратил на время в Снегурочек?

— Да, да, да! — дружно ответили мы, от радости подпрыгивая на месте и захлопав в ладоши.— А как это?

— Надо встать на волшебное место, вот сюда,— сказал папа и подвел нас на два шага в сторону под дерево.— Теперь закройте глаза и не подсматривайте, а то волшебства не получится.

Мы послушно встали, куда нас поставил папа, честно закрыли глаза и замерли в ожидание чуда. Папа произнес какие-то слова заклинания, какие именно я сейчас уже и не помню, но уж очень правдоподобные, как мне тогда показалось. Затем сказал:

— По велению и разрешению Деда Мороза я вас превращаю на время в Снегурочек! Но только на время! — уточнил он.

Мы продолжали стоять с закрытыми глазами, и я почувствовала, как моего лица коснулось что-то легкое и холодное, что именно — я не поняла, но глаза не открыла, боялась испортить процесс волшебства. Терпение наше было уже на исходе. Наконец папа сказал:

— Превращение в Снегурочек закончено, открывайте глаза!

Открыв глаза мы от удивления, какое-то время стояли молча, потому что мы действительно превратились в Снегурочек, так нам тогда показалось. Наша одежда вся была усыпана снегом, на головах были снежные шапки и даже на наших ресничках лежал снег. Я смотрела на подружку и видела в ней маленькую Снегурочку в белом наряде и со снежной короной на голове. Посмотрела на свою шубку, и к моему удивлению она тоже стала белоснежной. Нам с подружкой тогда не было и пяти лет и все происходящее вокруг себя мы принимали за «чистую монету». Мир вокруг нас таков, каким мы его себе представляем в данный момент. А тут такой сказочный вечер, кругом красота и великолепие, ну как не поверить в волшебство?! Наивно веря в свершившееся на время превращение, мы с подружкой медленно пошли в сторону ее дома, боясь делать резкие движения, чтобы как можно дольше побыть в волшебных, снежных нарядах Снегурочек. Родители как верные сказочные пажы шли за нами и подбадривали нас словами восхищения, умиления и одобрения. Когда мы подошли к подъезду, то увидели, что наши наряды изрядно потрепались. Снег с одежды в некоторых местах облетел, и мы уже не были похожи на Снегурочек в белом одеянии. Папа сказал, что время волшебства заканчивается и нам снова надо превращаться в обычных, послушных девочек. Мы неторопливо и неохотно отряхнули с себя снег, намеренно стараясь затягивать момент нашего возвращения из сказки. И вот мы снова обычные

девочки. Подружка вернулась домой, а я крепко взяла родителей за руки, и мы пошли домой, по пути снова и снова наслаждаясь сказочной прогулкой.

Ах, сказка-сказка-сказочка, как приятно и радостно хоть на мгновение почувствовать себя сказочным героем, поверить в чудо, погрузиться в волшебный мир и увидеть окружающую тебя действительность совсем другими глазами. Пока мы маленькие, то смотрим на мир глазами родителей и без всяких сомнений впитываем все, что они нам говорят. Поэтому так важно дарить своим детям любовь, радость, показать им как прекрасен этот мир. И если родители любят друг друга, любят своего ребенка и других детей, любят жизнь и радуются каждому дню, видят окружающую их красоту, то они этой своей любовью смогут дать ребенку тот положительный заряд энергии и счастья, который он будет хранить в своей жизни многие и многие годы.

Мои родители умели смотреть на мир глазами ребенка, могли видеть вокруг себя красоту, радоваться жизни, показать свое позитивное восприятие жизни. А самое главное, они могли одарить окружающих их людей своим терпением, уважением и любовью.

ПЕРСПЕКТИВА

Зима — отличное время года для детских забав: лыжи, коньки, санки, горки, снежки! Все это вспоминается с нежной ностальгией по счастливому детству. Раньше, как мне кажется, зимы были настоящими, снежными, слегка морозными, а гулять по такой погоде было одно удовольствие. Родители закачивали меня с раннего детства, гулять отправляли, не кутая, в комбинезоне, главное, чтобы снег никуда не попадал, и я могла бы от души валяться в снегу, не боясь попадания снега под одежду.

Я очень любила по выходным с папой кататься с горки на санках. Горка была крутая и длинная, кататься с нее я не боялась, но при каждом спуске у меня захватывало дух. Мне очень хорошо запомнился самый первый раз, когда мы с папой пришли кататься с этой горки. Мне было четыре года. В городе Советске, где мы тогда жили, за Домом культуры, в котором работал папа, была дорожка, по которой люди через парк спускались к реке. Когда спустишься к реке и посмотришь в сторону ДК, то мне в детстве казалось, что папина работа находится на высокой горе, а эту гору люди использовали для массового катания на санках. Когда у папы выдавалось свободное время, мы брали санки и шли на горку. Меня одевали в мой любимый комбинезон, а папа надевал лыжный костюм, который у него сохранился еще с довоенных времен и очень подходил для катания с горки. Я удобно устраивалась на санках довольная и счастливая в предвкушение, как сейчас говорят — экстрима, ехала, смотря на папину спину, и думала, что с таким папой мне ничего не страшно.

В самый первый раз страшно-то мне, конечно, было. Когда мы впервые поднялись на горку, я увидела детей и взрослых, весело усаживающихся на санки, а затем с визгом и радостным смехом скатывающимися вниз, и там, вдали у реки, превращающимися в маленькие, еле различимые темные точки на белом снегу. От такой картины у меня перехватило дух. Папа, видя мои широко открытые глаза, то ли от ужаса, то ли от испуга, то ли от страха, успокаивал и подбадривал, стараясь вселить в меня уверенность, что ничего страшного нет, и я не должна трусить, а должна воспитывать в себе силу воли и умение преодолевать страх. Мне очень хотелось съехать с горки, но я боялась, что там внизу у реки я превращусь в маленькую черную точку, как все, кто съезжал с горки, но папе я об этом не сказала. Преодолев страх, крепко взяв папу за руку, пошла к отправной точке своего нового, непонятного для себя путешествия в уменьшение. Папа поставил санки, сел в них, укрепился ногами и посадил меня впереди, крепко обхватив своими надежными руками. Мы оттолкнулись и

покатились. Порывы воздуха и снег из-под санок били в лицо, сбоку мелькали деревья, а люди, которые были внизу у реки маленькими, вдруг быстро вырастали. Когда остановились санки и я осмотрелась вокруг, то ничего необычного не увидела. Все люди как люди, но зато наверху горки все, кто только что стояли рядом с нами, в один миг стали крохотными человечками. Вот здесь я уже не выдержала и задала папе вопрос: как так получается, что люди очень быстро уменьшаются, а потом снова вырастают? Я стояла и рассуждала, по какому волшебству происходит такое превращение? Папа улыбнулся и сказал:

— Интересный вопрос, и как бы мне тебе объяснить, что это не волшебство, а обыкновенная перспектива.

— Что, что? — переспросила я.

— Пер-спе-кти-ва,— по слогам повторил папа и добавил,— но это тебе пока еще ни о чем не говорит.

Папа снова улыбнулся, нежно потрепал меня за макушку, взял за руку, и мы начали свое восхождение на горку, по пути он мне очень интересно рассказывал и показывал, что такое перспектива. Конечно же, я не запомнила такого для себя мудреного слова, но отлично поняла, что с горки я могу спокойно кататься и не бояться никаких превращений, и уяснила, что чем дальше от меня люди, деревья, дома, тем они меньше. Мне стало очень легко и хорошо, все встало на свои места, страх превращения в уменьшение улетучился, а катание с горки превратилось в сплошное удовольствие.

Мы вновь и вновь поднимались на горку, садились на санки, скатывались и опять поднимались, и снова скатывались. Ах, какое это было счастье для меня, не думая ни о чем страшном, в папиных крепких руках катиться с горки, а потом вроде бы как ненароком свалиться с санок в сугроб и барахтаться там, будто бы никак не получается подняться.

Домой я возвратилась счастливая, довольная, в приподнятом настроении и с радостной улыбкой на лице. В коридоре, который был очень просторным, нас встречали мама, бабушка и дедушка. Всех интересовал вопрос: понравилось ли мне кататься с горки? И я, пока снимала с себя комбинезон, захлеб рассказывала о своих впечатлениях, о том, что «ух, какая горка!», и о том, что мне все очень понравилось, и ни чуточки не страшно было кататься с такой крутой горки. А самое главное, что все люди как люди, никто не стал маленьким, а это просто какое-то странное слово. Повернувшись к папе, я попросила:

— Папа, скажи им, пожалуйста, ну как это называется, когда все вдалеке становится маленьким.

Все перевели вопросительный взгляд на папу. У папы был слегка удивленный, но довольный вид, его очень порадовало то, что я, хотя и не запомнила само слово «перспектива», зато поняла его значение. Папа нежно посмотрел на меня, а потом, подняв указательный палец, гордо произнес:

— Пер-спе-кти-ва!

— Да, да,— подтвердила я.

— Да что ты ребенку голову забиваешь,— заворчала бабушка.

— Нет, бабушка, папа мне голову не забивал, я же в капюшоне была,— встала я на папину защиту.

Все дружно засмеялись. Мне было очень приятно находиться в центре внимания моей семьи, в атмосфере заботы, любви, понимания. Когда все насмеялись, мама сказала:

— Теперь пойдемте обедать, нас ждет вкусная еда, а к чаю сегодня шанежки, они получились просто «пальчики оближешь!»

Обед, действительно, был очень вкусным, впрочем, как всегда, но после прогулки на свежем воздухе и порции положительных эмоций я уплетала все за обе щеки. За обедом мы продолжили обсуждение нашего похода на горку и полученную мной новую информацию. Конечно же, я тогда не понимала всех заумных слов, которые говорили мне родители о перспективе, но где-то там, в подсознании, возможно, что-то из всего сказанного зацепилось и отложилось.

Эта новая информация пригодилась мне несколько лет спустя, когда папа учил меня фотографировать. Учил, как правильно надо выстраивать кадр, объяснял, что в данный момент мне важнее: показать первый план или дальний, то есть перспективу кадра я должна определить соотношением этих масштабов. И на удивление мне самой, я понимала, о чем говорит папа, и то, что требуется от меня при съемке. Видимо, та зацепившаяся в раннем детстве информация всплывала на поверхность моего сознания, давая возможность быстрее понять и усвоить, как использовать перспективу в фотосъемке. Но эта уже совсем другая история.

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

У КАЖДОГО — СВОЕ

Ростовчанин Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Четверть века отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В центральной печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, №4). Публиковался во многих зарубежных журналах, в центральных и региональных российских изданиях, в Интернет-ресурсах. Имеет более двухсот публикаций в периодике. Автор десяти книг. Причислен к направлению «жесточкого» реализма. Отмечен Почетной грамотой журнала «Новый свет» (Канада) «За творческое упорство и множественные публикации в литературной периодике». Награжден медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

Над затихающим селом стыл морозный зимний вечер...

Вдруг задремавшая под яркой луной улица ожила и на ней раздались частые нерепеливые выкрики: «Пошла-а! Ну же, пошла!»

Молодой мужчина, стоя в санях, безжалостно нахлестывал взмыленную, закусившую блестящие удила караковую лошадь, бешеным скоком несущуюся меж сугробами рыхлого, поутру выпавшего снега.

Рывком натянув задубевшие на холоде вожжи, мужчина еще на ходу прыжком вымахнул из саней. Подбежав к большому крестовому дому, настойчиво застучал кнутовищем в одиноко светившееся окошко.

Человек за стеклом привык к неожиданным визитам — обязывала профессия врача...

На крылечке дома, в теплой болоньевой куртке нараспашку, стоял агроном из хутора — человек редкой, почти медвежьей силы. Из-под затертой пыжиковой шапки, искрящейся блестками морозной пыли, выбивались темные пряди мокрых волос; руки в меховых перчатках нервно сгибали упругое вишневое кнутовище.

— Доктор, скорее! — прерывисто выкрикнул поздний гость. — Жена с утра не разродится!

Врач молча скрылся в сенях. И через минуту выбежал на порог дома, хрустнув утоптаным снегом под зимними полусапожками и на ходу застегивая пальто. В руках держал чемоданчик с намалеванным на его крышке красным крестом в центре белого круга.

— Когда начались схватки? — привычно поинтересовался врач, бережно укладывая чемоданчик на цветное одеяло, подоткнутое поверх умятой, слабо пахнувшей овсяной соломой.

— Утром, часов в восемь еще, — скороговоркой отозвался агроном, торопливо запрыгивая в сани. — Я только на работу ушел...

— А кто с роженицей сейчас? — перебил врач, боком садясь в сани и натягивая на длинные пальцы с аккуратно остриженными ногтями перчатки козьего дымчатого пуха.

— Кто? Да мать же и... — тут агроном на секунду запнулся было, взмахнув кнутом. — Ну и соседка-повитуха. Акушерка наша в отпуске, к родственникам укатила...

— И что же?

— А то! Чтоб у этой коновалки руки отсохли! Ч-черт... — и агроном, не окончив фразы, зло рассек воздух кнутом. Вздывавшая парующие бока лошадь испуганно дернулась черным крупом и нехотя тронула с места...

До хутора — километров шесть по накатанной санями и машинами проселочной дороге. Понукаемая лошадь мчалась, обидчиво подтянув нижнюю губу и отрывисто выстукивая копытами частый ритм по глухо отзывавшейся мерзлой земле. Крепко придерживая на одеяле свой чемоданчик, врач, сочувствуя агроному, подумал: «При родах солнце не должно заходить дважды! Сутки, не больше суток, иначе... Спешить! Спешить!!!»

Неожиданно в сухом, выжимающем из прищуренных глаз слезу воздухе, перекрывая легкий скрип полозьев на льдистых местах дороги, послышались голоса, кричащие не в лад игривым переборам гармошки. Ближе, четче становились развеселые голоса.

— Эгей! Побереги-ись! — зычно крикнул вперед агроном.

Вот они уже — рукой подать — две разукрашенные, с колокольцами на дугах, тройки.

— Давай, родимые! Еще давай! — деловито и радостно покрикивал на вороных лошадей с вплетенными в гривы разноцветными лентами дюжий возница-бородач передней тройки, одетый в белую дубленку и по-ямщицки подпоясанный брусничным кушаком. Рядом, на этих же санях, нескладно выкрикивали: «Горрько!» хмельные дружки с полотенцами, переброшенными через плечо, а гармонист перебирал перламутровые клавиши трехрядки.

Второй тройкой (коренник — гнедой жеребец и серые в яблоках пристяжные) молодецки правил статный лейтенант в распахнутой ветром парадной шинели. В центре расписных саней жених обнимал обложенную шубами, закутанную пуховым платком невесту с раскрасневшимися щеками; здесь был и ряженный в костюм полнотрудовой цыганки парень, и кто-то в бурой медвежьей шкуре...

— И-эхх, гуляй, так твою перетак!

— Маэстро, дави на клавиши!

— А ну, пошли, родимые!

Смех. Крики. Цокот копыт. Частые переборы гармошки. Свадьба!..

— Доктора везу! Пропустите! — вновь зычно и резко прокричал агроном.

Но голос его, наполовину заглушаемый голосистой гармошкой и пьяными криками, относил ветер. Агроном крикнул еще, еще, уже почти догнав вторые свадебные сани. На тройках его наконец хорошо расслышали, но не поняли. А вернее, не захотели понять.

«Чего надрываешься, дурень? Неужели не знаешь, не понимаешь, что мы — свадьба — просто не можем пропускать вперед никого? Плохая примета: тогда, по поверью, молодым всю жизнь не будет в доме счастья», — возможно, подумалось на тройках тем, кто был потрезвей. А вернее всего, что и нет...

— Бесполезно! — сквозь зубы, по-звериному, прорычал агроном. — А что, если... — и, сплюнув через угол рта, нервно дернул вожжами влево, пытаясь обогнать свадьбу обочь, но запаренная в беге лошадь сразу увязла в глубоком придорожном снегу.

Агроном, чертыхнувшись, круто и трудно вывернул на грунтовку. Врач с тревогой приподнялся и крикнул ему:

— Опоздаем!..

Агроном затравленно молчал, до боли сжимая в руках твердые от мороза вожжи с ременными наконечниками, а в прищуренных от ветра глазах его зарождался невиданной силы гнев.

Со свадебных саней заорали неприличную частушку про обрюхатевшую в девках. И тут агроном, придержав вожжи и наполовину даже сам не осознавая, что же делает, закричал — отчаянно и иступленно, что есть мочи и срываясь на хрип. Он страшно, грязно обругал невесту...

Резко тормознули тройки. Так резко, что парень, одетый в костюм дородной цыганки, и еще кто-то с передних саней кувыркнулись в снег. Захлебнулась на высокой ноте трехрядка, с растянутыми мехами полетела в сани...

Лейтенант пытался остановить разом рванувшихся к агроному парней, но успел лишь сшибить с ног гармониста и тут же упал сам, намертво сцепившись в яростном объятии драки с бородачом-возницей, оравшим лейтенанту: «Уйди!» — вперемешку с руганью; жених грубо волочил за собой плачущую, ухватившуюся за полы его тулупа невесту и тоже через слово матерился; запутавшись в длинной юбке, подвернула ногу «цыганка»; неумело ломал оглоблю из саней трусоватый дружка, а его товарищ первым набегал на агронома; испуганно визжали, съезжившись в санях, невестины подруги...

Завернув лошадь, агроном швырнул вожжи врачу, который неловко поймал их. Стеганув напоследок мокрый от пота конский круп, агроном спрыгнул с саней, сжимая в руке кнут.

— Гони!!!

Объезжая по сугробам остановившиеся вдоль дороги свадебные тройки, чуть не сцепившись отводами с передними санями, врач еще успел заметить, как агроном в два движения сдернул с плеч стеснявшую его куртку и с силой, с оттягом, дважды полоснул нападающих кнутом, а дальше все смешалось в один рычащий, бесформенный клубок дерущихся, каждый за свое.

Стиснув зубы, врач хлестнул вожжами тяжело бегущую лошадь, заставляя ее наддать ходу. Совсем рядом мучилась жесточайшей человеческой болью роженица, уповающая на его помощь, истово надеющаяся на нее...

— Но-о! Но-о! — понукал врач лошадь.

Да, умом он сейчас понимал, что при родах солнце не должно заходить дважды, а значит, надо мчаться и мчаться, и только вперед, сквозь ночь, к будущей матери. И как же он ненавидел в душе это понимание...

Вот и замелькали по сторонам дома соседней деревни, за которой уже был виден нужный хутор, и по улице прокатился залиvistый собачий брех. Припозднившийся прохожий, остановившись, проводил удивленно-любопытным взглядом мчащиеся сани. Еще минуты две — и лошадь сама остановилась у родного порога.

В прочищенном от снега дворе, у калитки, сосредоточенно дымили отец и младший брат агронома — парень лет восемнадцати, которые тут же поспешили навстречу долгожданному гостю.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул отец, отбрасывая в сторону и окурков, и пустую смятую пачку из-под «Примы». — А почему один?

— Он на дороге со свадьбой дерется,— единым духом выпалил врач и стремительно взбежал на крыльцо...

Отец и брат агронома примчались на место драки, вконец загнав несчастную лошадь, со страхом прижимавшую уши под нещадными ударами вожжей и кнута. К тому времени агроном уже давно не сопротивлялся свалившим его наземь и теперь насмерть забивающим парням, лишь в полутьме сознания инстинктивно прикрывал голову.

Лейтенант оттаскивал озверевших парней от лежащего ничком агронома; невеста, до бровей вывалившаяся в снег, плача, все цеплялась за жениха; стонал возле саней дружка, получивший первый удар кнутом, бережно прикрывая ладонью поврежденный глаз и ритмично покачиваясь туловищем влево-вправо; держался за свернутую челюсть второй, трусоватый дружка; кое-как поднимался на ноги гармонист, в свалке оглушенный кем-то из своих же; снова мешала «цыганке» юбка, не дающая сильного размаха для удара ногой... Вокруг места драки на снегу и исчерканном каблуками ледяном покрове дороги валялись оторванный рукав грязно-белой дубленки, несколько рукавиц, затоптанная ондатровая шапка.

То один, то другой нападающий прорывались мимо лейтенанта к агроному и пинали его ногами: в живот, в лицо — зло, люто, иной раз с хакающим вскриком мясника, разрубающего тушу.

Брат агронома еще из саней выстрелил в воздух из захваченной тулки-двустволки. От грома выстрела парни разом опаматовались, остановились и молча, с тупым удивлением уперлись взглядами в человека, недвижно лежащего перед ними на испятнанном кровью снегу.

Агроном с помощью отца тяжело, со стоном поднялся и сделал шаг, закусив губу. Потом выхаркнул на истоптанную и продранную до сизого льда дорогу темно-красный сгусток. Еле внятно произнес:

— Не по злобе я, парни. Не по злобе. Ведь жена умирает... Но и вы-то... Э-х-х!

И, слабо оттолкнув отца, со словами: «Я сам», шатаясь от нечеловеческого напряжения сил, медленно побрел к саням.

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

Чмыр Олеся Владимировна родилась в 1973 году. Художник. Публиковалась в журналах: «Приокские зори» (Тула, Россия), «Волга XXI век» (Саратов), литературная газета «Изюм» (Тула), «Чешская звезда» (Чехия), «Север» (Карелия), «Кольцо А» (Москва), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток»

Член редколлегии журнала «Приокские зори» (Тула). Является одним из авторов двухтомного сборника «Мантрици» (изд-во «Карпатська вежа», Украина). В сборник включены иллюстрации.

Как художник работает в области станковой живописи и оформления книг.

СНАЧАЛА БУДЕТ НЕБО (Последний день Земли)

Сначала будет небо.
Яркое, летнее, безмятежное.
И люди, живущие под этим небом.
И будут боги. Боги из золота, боги из глины, боги из дерева и боги из камня.
И будут жить они среди людей.
И все будут играть в войну. И никто не будет знать страха.
Но игра закончится. И придет страх.
И небо заполнит гул. Он оглушит людей. И люди заткнут уши.
И небо заполнит свет. Он ослепит людей. И люди закроют глаза.
И поймут — пришел конец. Но ничего не смогут сделать.
И беспомощно падут на колени. И вспомнят богов.
Богов из золота, богов из глины, богов из дерева, богов из камня.
И тот, кто не успел закрыть глаза, увидит страх на лицах богов.
И дрогнут боги и побегут искать спасения под землей.
Испугается золото, возопиет глина, и дерево, и камень.
Распрямят ноги каменные идола и сойдут в глубокие ямы.
Но никто не спасется.
Это будет последний день.
И нового неба уже не будет.

Я НЕ МОГУ СТОЛЬКО НЕСТИ...

— Так, а где мои ключи? Не оставил ли я их, как всегда, в двери?
— Ну! Включайся! Ты вчера смазывал замки на воротах... Ну... что с тобой!

— После того, что я узнал, у меня все вылетело из головы!

Муж, уже одетый, пошел в котельную. Раздался звон ключей. Он вышел, подошел к входной двери.

— Пакет возьми. Нечего лишние деньги платить. И зонтик не забудь,— Ирма на кухне, возится с обедом.

— Я твой возьму.

— Хлеба купи, и пачку чаю. Ты деньги взял?

— Взял, взял. Ну, я пошел.

Дверь закрылась, щелкнув замком.

За окном моросил ноябрьский, промозглый дождь вперемешку с мокрым снегом. Наметившаяся прогулка к морю отменилась сама собой. Сейчас хотелось тепла и уюта. Жена зашла в котельную и, заложив в котел дрова, быстро растопила. Скоро станет теплее.

«Французы выбирают кандидата от правоцентристов. В Риме протестуют против конституционной реформы. Всемирный марафон защитников окружающей среды стартовал в Австралии. Посадочный модуль разбился о поверхность Красной планеты. Найденная в пустыне Наска капсула...»

Навязчиво тараторило радио. Она выключила его. Поморщилась.

— Надоели! Как можно верить в подобную чушь!

Уже вторую неделю все вещательные источники твердили о новой сенсации, перевернувшей сознание. Найденная в пустыне Наска капсула раскрыла секрет возникновения жизни на Земле. Все, во что верило цивилизованное человечество вот уже две тысячи лет, рухнуло как неумело выстроенный дом. Мир шумел, его лихорадило. Забылись прежние распри, выборы президента Америки, наводнение в Италии. Все ушло на второй план.

Она нарезала лук, натерла морковь. Сегодня решила сварить харчо. Юлик любит его. Выглянула в окно. Дождь все больше становился снегом. За дверью послышались шаги. Пришел муж.

— Солнышко! Солнышко? Пока шел, мне пришла в голову мысль. Я чувствую, мне посылаются импульсы. Вот, послушай. Так. Значит... Это серьезно! Люди делают попытки жить как прежде, они стараются сохранить традиции. Но, заметь, теперь стали странно относиться к животным и растениям. И еще, заметь, у всех повысился сексуальный интерес. А это о чем говорит? А?

— А о чем это говорит?

— Это говорит о том, что... Понимаешь, это все идет от мозгов. Заметила, сейчас стали часто слышны sireны скорой помощи? А видела, как сейчас смотрят на небо? Не так как раньше. Это теперь тебе не поэзия. Небо перестало быть объектом красоты. Это теперь угроза.

— Ты, вообще, понимаешь, о чем ты сейчас говоришь?

— Раньше человек твердо стоял на Земле, благодаря подпоркам. Всем тем устоям, понятиям и представлениям о жизни. А сейчас, представь себе, подпорки сбиты. Все рухнуло. И что остается человеку? А человеку остается одно — делать вид, что ничего не произошло! Продолжать прежнюю жизнь. Ходить на работу, покупать продукты, пить чай по вечерам вместе с семьей.

— Вечером ребята приедут.

— Вот и отлично! У Сонечки разумный муж. Будет с кем порассуждать. Ты извини, но я чувствую, тебя не очень-то волнует все это.

— Ты прав, меня больше волнует, что чесноку маловато. Харчо не получится таким крепким.

— Я все равно люблю тебя, солнышко. И весь этот твой скептицизм, он наигранный. Я же знаю, ты тоже переживаешь.

Муж ушел в зал, включил телевизор. Комнату наполнили бурные обсуждения очередного ток-шоу о прошлом и будущем цивилизации.

В кипевший бульон она положила уже поджаренную приправу, автоматически добавила соли и перца. Юлик любит, чтобы перцу было побольше. Раздался телефонный звонок. Они еще продолжали пользоваться городским телефоном. В основном для разговоров с сестрой. И, конечно же, сейчас звонила она. Ирма с неохотой сняла трубку.

— Мунечка, ты слышала?! Теперь уже достоверно известно об эксперименте. Меня аж трясет всю!

Лана, хоть и старше, но умом не блистала никогда. Блистала красотой. А вот ум... хотя, зачем он красивой женщине?

— Лана, во-первых, прекрати называть меня Мунечкой. Ты же знаешь, я это ненавижу, во-вторых, я не желаю слышать весь это ваш бред! И если ты не прекратишь, я брошу трубку! Ты меня знаешь.

— Ой, ну... Мунечка, лапочка, опять ты не в духе. Что, с Юличкой поссорились?

— Не ссорились мы с ним. Просто мне уже надоели все эти ваши разговоры про инопланетян и прочую ерунду. Сколько можно! Радио, телевидение... в Интернет нельзя зайти, чтобы нормально рецепт поискать. Тут же лезут с этой чертовой капсулой.

— Мунечка, я одинокая женщина, мне не с кем поделиться. Сажу тут целыми днями одна, перед телевизором. У тебя хоть Юличка, дети, внуки. А я одна. А ты вот так...

Раздались приглушенные всхлипывания.

— Ну, ладно, ладно. Рассказывай, что там за эксперимент.

Ирма смягчилась, пожалев сестру, и подумала пригласить ее на сегодняшний вечер, и может оставить с ночевкой. Они все же любили друг друга. Конечно, придется выслушивать до двух ночи все ее безумные идеи и мысли. Но ничего не поделаешь, она единственная сестра, и, действительно одинока.

Пообщавшись с сестрой, положила трубку, помешала суп, убавила огонь, прикрыв кастрюлю крышкой. Надо еще испечь кекс.

— Подумай, что говорят!

Юлик вошел на кухню, раскрыл холодильник, и тут же забыл, что хотел там взять. Обернулся к жене.

— Говорят, что мы появились в результате...

Раздавшийся звонок с мобильного спас Ирму от новой «сенсации».

— Сонечка, вы уже едете?.. Регина перестала кашлять?.. А Эрик?.. У меня еще остался сироп от кашля. Юлик, закрой холодильник.

— Скажи ей, пусть Макс захватит флешку, я обещал ему кое-что перекинуть.

Юлик вновь заглянул в холодильник.

— И пусть пива по дороге купят.

— Какое пиво, у нас белое вино! Я же мясо запекла.

— Солнышко, ну, вино вином, а потом...

— Сонечка, пива купите. Ой, чуть не забыла! Тетю Лану по дороге захватите.

— Что я хотел тебе сказать?..

— Иди, не мешай. Мне еще кекс испечь надо.

— Солнышко, сбила меня с мысли. Я бы чаю выпил. А что там Лана? Как она?

— У нее на уме какой-то эксперимент.

— Вот, вот! Об этом я как раз и хотел сказать. Вечером будет официальное выступление президента в прямом эфире. Можно задавать вопросы по телефону.

Зашумел чайник. Юлик нарезал колбасу и хлеб.

— Это не шутки, солнышко. Поверь мне, будут еще крутые перемены! Это переломный момент. Запущен нештоточный механизм.

— И кому все это нужно?

За окном слышались тревожные звуки сирены, и долго еще звучали, удаляясь вдали.

Ирма устало села на стул, вытирая руки полотенцем.

— Раньше жили себе спокойно. Пеклись о семье, о завтрашнем дне. Слушали эти дурацкие новости в пол-уха. И, чтобы там ни происходило, все более-менее было в рамках разумного. А что сейчас твориться? Все посходили с ума!.. И ты в том числе!

— Солнышко, я трезв как никогда. Поверь мне! Я просекаю ситуацию, и способен анализировать. Что бы это ни было, это будет иметь свои последствия. Эдакая волна, которая набирает силу, и ее уже не остановить.

Небольшой, но вместительный журнальный столик накрыли в зале. Юлик, сделав телевизор погромче, носил тарелки из кухни и внимательно слушал очередные часовые новости.

«А последствия весьма плачевны,— гнусавил какой-то эксперт с экрана,— даже незначительный рост процентных ставок приведет к серьезным проблемам. Инвесторы по всему миру пытаются поймать волну...»

— Ой, сделай потише! Ты что, решил меня с ума свести сегодня?

Вошла Ирма с салатом. Поставила его в центре столика.

— Иди лучше мясо из духовки вытащи.

— Ты погляди, что делается! А пенсию-то уже задержали. Заметь! Задержали! То ли еще будет, солнышко!

— Я на тебя смотрю, тебя это все прямо веселит.

— Муу-унечка!

Муж подошел, приобнял жену, поцеловал в щеку.

— Все это жизнь наша. Кто знает, может в результате и мир сплотится. Сколько ж можно дербанить все?

Раздался звонок в прихожей, Юлик поспешил встретить гостей.

— Пап, ты представляешь, сразу три «скорые» проехали! Мам, прям страшно!

Дочь Соня раздевала шестилетнего Эрика, который не стоял на месте и стрелял из мигающего синими огоньками пистолета.

— Пф! Пф! Я разумная плесень. Ра-зум-на-я-пле-сень,— твердил он, подражая роботу и стреляя в деда Юлика.

— Эрик, стой спокойно. Вспотеешь и опять простудишься.

— Давай я раздену его.

Ирма присела на низенький стульчик и успокоила на минуту Эрика.

— Плесени столько одежды не нужно. Давай-ка курточку снимем.

— А у нас на работе третий выходной сделали. Так что, Юлий, кризис дает себя знать! — воскликнул зять Юлика.

— Макс, сынок, все это еще цветочки.

— Ох, мне страшно! Мунечка, однажды ночью я умру. Я это знаю точно. Мне уже сон приснился,— Лана, поправив прическу, вошла в зал.

Регина, не отрываясь от планшета, села на диван.

— Тетя Лана, ничего вы не умрете. Вот уже официально пишут, в той капсуле формула бессмертия есть.

— А я в это верю! — Лана с вызовом посмотрела на Ирму.— Да и не надо так на меня смотреть, дорогая. Должна же я в этой жизни хоть еще во что-то верить. У меня же все отняли! Все! Раньше мне было понятно, что человек произошел от... ну, Бог с ним, пусть от обезьяны. Но чтобы от...

— Давай, хоть при детях не будем...— посмотрела на нее Ирма.

— Я разумная плесень, разумная плесень,— Эрик бегал вокруг стола и стрелял во всех подряд.

— За стол, за стол, друзья! Я уже проголодался,— воскликнул Юлик.
«В этом году рост добычи нефти уже не будет таким ощутимым, как в прошлом...»
— Выключи! Выключи его совсем! — повысив голос, взмолилась Ирма.
— Мунечка, потерпи. Надо выступление президента не пропустить.
— Только разве нам эту формулу откроют? Они же все засекретят,— Лана принялась накладывать салат.
— А зачем нам все это бессмертие, когда начнутся сокращения? Нет уж, лучше сразу, того... Доча, давай тарелку,— Макс протянул руку к Регине.
— Ну уж, папочка, и скажешь! Я, может, еще только жить начинаю. Дай хоть универ закончить.
— Да, наш папочка, как ляпнет, так ляпнет,— прожевывая салат, сказала Соня,— вчера о чем ты целый день твердил?
— Плесень возвращается,— голосом робота, произнес Эрик, допивая вишневый компот.
— Ну, я же имею право на свое личное мнение. Или у нас в семье только вы, мисус, можете изрекать разумные мысли?
— Соня, Макс, перестаньте пререкаться. Давайте лучше за встречу! — воскликнул Юлик и поднял бокал.

До прямой трансляции оставалось каких-нибудь пять минут, как вдруг неожиданно телевизор погас. Юлик потряс пультом.

— Что такое! И надо ему было в такой момент сломаться.

— Может радио? — предложил Макс.

Все поспешили на кухню.

Радио не работало.

— Этого еще не хватало! Мунечка?

— Что ты на меня смотришь? С утра оно работало.

— Мам, позвони соседке,— попросила Соня.

— Вам надо, вы и звоните,— нервно ответила Ирма и села на стул у окна,— с ума все посходили! — тихо произнесла она.

— Ой, Мунечка у нас всегда была до боли прозаична,— вздохнула Лана, пытаясь набрать чей-то номер.

— Ну, кто-то в этой семье должен трезво мыслить, - парировала Ирма.

— Тихо девочки, тихо,— примирительно сказал Юлик, и взглянул на Лану.— Ну, что?

Лана посмотрела на светящийся экран, еще раз нажала на вызов.

— Странно, кажется, сети нет,— с удивлением и намечающимся страхом в голосе произнесла она.

— Ну, все, конец света! — иронично воскликнула Ирма, и, не выдержав, ушла в зал.

— Это уже не смешно, друзья мои,— серьезно произнес Макс,— телевидение не работает, радио молчит, мобильной связи нет.

— Регина, а Интернет? — спросила Соня.

— Хм, нет сигнала. Деда, может вы не заплатили? — спросила внучка у Юлика.

— Ну, уж за Интернет не заплатить! — воскликнул Юлик и с тревогой выглянул в окно.

Неожиданно хлопнула входная дверь.

— Эрик, ты куда? — Соня кинулась в прихожую.

За окном показалась фигурка Эрика с кое-как нахлобученной шапкой и расстегнутыми сапожками.

— Я к Алику. Спрошу, работает ли у них телевизор,— раздался через окно приглушенный голос мальчика.

Алик, друг Эрика, жил неподалеку за углом. Соня, нервно прождав три минуты, не выдержала, накинула пальто и выбежала во двор.

— Мам, я с тобой,— крикнула Регина, и побежала в прихожую.

— Ой, мне нужны сердечные капли,— воскликнула Лана, и пошла в зал, театрально вздыхая и держась за сердце.

— Юлик, надо все это как-то выяснить, в конце концов,— сказал Макс.

— Идем! — Юлик быстро оделся, и они тоже вышли из дому.

— Мальчики, я с вами! — Лана поспешила за ними.

Ирма осталась одна. Тишина была такой оглушительной, что звенело в ушах.

Вначале все это смешило, вызывало кривую улыбку, мол, придумали новую развлекалочку. Но когда уже весь мир, как заведенный, твердил об одном и том же, причем на полном серьезе — начало раздражать. Вот и муж, и дети, и сестра включились в эту безумную «игру». Остался ли еще кто-то в мире, сохранивший разум? Судя по Новостям — нет.

Неожиданно и громко затараторил телевизор.

«...взрыв. Объявлено...»

Вновь отключился.

— Господи! Как нарочно!

Ирма выглянула в окно. Фонари нехотя высвечивали соседний дом и темневший лес напротив.

«...на выяснение подробностей. В ряде стран эвакуация...»

Вновь загремел телевизор. Ирма схватила пульт, убавила звук и с силой бросила пульт на столик. Экран вновь погас. Она стояла у окна, высматривая своих. Но улица была пустынна. Лишь легкий снег спокойно и уверенно покрывал землю.

«...объявил президент. Вооруженный...»

Нервы не выдержали. Последней каплей был резкий звук — с железной крыши съехала оттаявшая сосулька. Ирма накинула пальто и выбежала на улицу. В соседнем доме было темно, на улице ни души. Она побежала в сторону дома, где жил друг Эрика. Поскользнувшись на повороте, упала в снег и заплакала. Она чувствовала, что паника коварно подступает к сознанию. Еще немного и она закричит. Почему никого нет? Ни в одном доме не горит свет. И вдруг раздался смех. Они возвращались. Впереди бежал Эрик.

— Ба! — он подскочил к ней, уселся рядом и обнял.

Показались и остальные.

— Ну, и как мне теперь прикажете жить? — возмущенно, высоким голосом твердила Лана.

— А что, собственно говоря, тебя не устраивает? — смеясь, спросил Юлик.

— Все! Меня все не устраивает! Меня вновь обманули. Вновь выбили, как ты это называешь — подпорки. Я только начала привыкать к мысли, что мы произошли от...

— Ой, мама!

— Мунечка! Ты упала?! Сломала что-нибудь?

Все скопом подскочили к Ирме, принялись поднимать, отряхивать.

— Как ты, солнышко? Что болит? — Юлик пытался ощупать Ирму сквозь пальто.

— Ой, прекратите! Все со мной нормально. Я с вами с ума сойду! Как можно?! Ушли, бросили. А тут еще этот телевизор. Какой взрыв? Что произошло? Я слышала только обрывки фраз.

— Взрыв?.. — Макс задумался. — А, ну, социальный взрыв. После того, что натворили эти СМИ, во всех странах произошел социальный взрыв.

— Мунечка, нас облапошили по полной программе. Обманули, как... И все поверили! — причитала Лана.

— Это новый вид кибер-терроризма, солнышко. Сейчас можно ожидать всего что угодно. Я же говорил, будут еще крутые перемены.

— Я кибер-террорист, кибер... Пф! Пф!

Эрик перестал быть плесенью. Выбрав жертвой Регину, он целился в нее из-за деда Юлика. Та, не отрываясь от планшета, произнесла:

— О, у нас на следующей неделе все пары отменили. Преподы бастуют! Класс!

Войдя в дом, страхнув с себя снег и раздевшись, все вновь уселись в зале. Телевизор, как ни в чем не бывало, мирно бубнил рекламу. В соседнем доме зажегся свет. Проголодавшись, с холода, вновь занялись салатами и мясом. Юлик увеличил громкость телевизора.

«Через несколько минут слушайте экстренный выпуск новостей»...

ГДЕ-ТО В МОРЕ...

Берег почти пуст. У моря севера короткое лето. Еще вчера пляж был заполнен людьми. Плеск волн перекликался с веселыми криками тех, кто осмелился войти в холодные воды. Люди подставляли свои тела солнцу, прячась за невысокими дюнками. Еще было лето...

Еще собирались люди в пляжных кафе, проносились по берегу загорелые велосипедисты.

И сегодня светит солнце. И до конца августа еще целых пять дней, но берег почти пуст. Редкие фигурки виднеются вдалеке. Бредут вдоль берега, подставляя лица утомленному солнцу, готовящемуся к долгой зиме.

Волны нервно кидаются на берег. Ветер порывист и дерзок, и сложно угадать его направление. Мужчина задумчиво бредет почти у самой кромки воды и только чудом волны не заливают его ног.

Из пляжного кафе выбегает девушка. Ее стройное и худенькое тело в купальнике на долю мгновения задерживает на себе взгляд мужчины. Он мысленно съеживается, когда она бесстрашно вбегает в холодные волны. Наверное, он думает — вряд ли я сейчас рискнул бы окунуться.

Он отходит от берега и садится на лавочку. И смотрит, и не смотрит, как фигурка девушки, удаляясь, становится все меньше. Она играет с волнами, дожидаясь той, что выше других. Подпрыгивает, расставляя руки.

Наверное, он думает — не одиноко ли ей одной испытывать восторг? Возможно ли испытывать радость в одиночестве? Он бы не смог, думает он.

Он смотрит на небо. Он видит чайку. Та запуталась в ветре, но, быстро справившись, легла на крыло. Чайки ближе к стихии, чем люди, думает он.

Он вновь отыскивает девушку взглядом. Ее белокурая головка почти рядом с буйком. Большая волна стремится к ней. Девушка подпрыгнула. Мужчина встал с лавки и медленно побрел дальше. Он уже не оборачивался и не отыскивал взглядом девушку. Да и вряд ли он смог ее отыскать.

Сидя на берегу

И радуясь солнцу и свежему ветру,

Помни! Где-то в море

Сейчас тонут люди.

(Иранская мудрость)

Кажется так. Не дословно, но смысл верный. Мне вспомнилась эта мудрость...

Николай Макаров

(г. Тула)

ПОЧЕТНЫЙ САПЕР ВДВ

(Из цикла «Краснознаменные афганцы»)

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), заместитель исполнительного директора Фонда поддержки земляков «Тульский край», член Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори».

Лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2010), литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого (2015), премии имени С. И. Мосина (2016).

Синицкий Олег Степанович, родился 28.05.1954 г.

В представлении многих, саперы — люди с невероятным хладнокровием, потрясающей выдержкой и железобетонными нервами. Я тоже так думал. До встречи с гвардии майором Олегом Синицким в восемьдесят седьмом году, когда он прибыл после окончания Военно-инженерной академии имени Куйбышева в нашу Тульскую 106-ю гвардейскую воздушно-десантную Краснознаменную ордена Кутузова 2-й степени дивизию командовать 112-м отдельным инженерно-саперным батальоном. Он никого не боялся; за правду, за свою правоту, за справедливость он, как говорят в народе, мог глотку перегрызть любому. Невзирая на чины и звания.

Однажды заместитель командира дивизии полковник Кротик в категорической форме потребовал (не попросил по-человечески, по-людски) оказать ему не совсем вписывающиеся в уставные взаимоотношения услуги, и майор Синицкий ему вежливо отказал. На такое «вопиющее» поведение подчиненного полковник Кротик вмиг отрастил здоровенный зуб (по меньшей мере — волчий клык) и стал ждать удобного случая, чтобы «чреват боком вышло» строптивому саперу. Случай подвернулся летом восемьдесят девятого года в Белоруссии, где подполковник (к тому времени, с восемьдесят восьмого года — уже подполковник) Синицкий со своим батальоном принимал участия в строительстве полигона ВДВ, а заместитель командира дивизии приехал его инспектировать-контролировать. И в первый же день по приезду приказал (опять — не попросил по-человечески, по-людски), чтобы ему не только насобирали грибов, но и засолили, «закатали» их в трехлитровые банки. Ни много, ни мало. Вот тут-то и высказал этому полкану сапер Синицкий все то, что он о нем думает в самых неличеприятных выражениях вперемешку с ненормативной лексикой (это в армии-то матерные слова — ненормативная лексика?) Самыми мягкими прозвучали первые слова комбата: «Я сюда с солдатами приехал строить полигон, а не грибы тебе собирать!». На что полковник Кротик пожаловался, естественно, опустив грибную составляющую, командиру дивизии генерал-майору Лебедю. Подполковник Синицкий не стал дожидаться унижительного для его офицерской чести «перетряхива-

ния грязного белья» и в девяностом году написал рапорт об увольнении из рядов тогда еще Советской Армии.

— Олег,— мы с ним сидим за столом в его уютной квартире, перебирая груды фотографий,— вот сейчас, по-прошествии стольких лет, ты не жалеешь, что тогда поддался минутной слабости и уволился из Армии?

— Был вначале осадок на душе. Но... но минутной слабости тогда не было, все взвесил, все обдумал, подготовил семью к неожиданным переменам и, поверь: останься в Армии, я бы не заработал и малой толики, что имею сейчас.— Он не вздохнул, вспоминая те дни, а только — конечно же — ненормативно выразился. — После увольнения я недолго раздумывал: махнул на Чукотку, подался в подрывники. Два года рвал золотоносные горные породы на открытом воздухе, три года рвал в шахтах.

— Потом?

— Потом мне пришел вызов за подписью губернатора области Стародубцева, что мои знания и опыт сапера-подрывника срочно нужны здесь, в Туле...

— Так, стоп! — прерываю его на полуслове.— Об этом — позже. Почему ты, имея сто двадцать один прыжок с парашютом (как мне известно: ты начал прыгать с пятнадцати лет) подался в саперы?

— Родом я из украинского села Хмельницкой области. И хотя мои родители всю жизнь проработали учителями в сельской школе, меня с раннего детства тянуло к машинам. До винтика знал всю колхозную технику: от «Беларуси» до зерноуборочного комбайна. Поэтому поступал и поступил в Калининградское военно-инженерное училище в десантный взвод. По окончании училища в семьдесят пятом году — служба в Болградской 98-й дивизии от командира саперного взвода до командира инженерно-саперной роты.

— И первая награда...

— Первую награду — нагрудный знак «За разминирование» — очень почетная награда для каждого сапера — я получил будучи лейтенантом в семьдесят седьмом году. За восемь лет службы в Болградской дивизии меня с моими саперами постоянно, каждый год, с апреля по октябрь, привлекали для разминирования всевозможных боеприпасов, оставшихся в земле с войны.

— Много было работы?

— Считаю, «пропахал» всю Одесскую область и большую часть Молдавии. И наши боеприпасы, и немецкие, и румынские, и венгерские. И патроны, и мины, и артиллерийские снаряды, и авиабомбы. И не разорвавшиеся после применения, и на складах.

— Были несчастные случаи с личным составом?

— У меня — ни одного.

— Афганистан...

— В восемьдесят втором году летел в одном самолете с Грачевым: я менял командира инженерно-саперной роты 345-го отдельного парашютно-десантного полка в Баграме, Грачев менял командира полка. По приземлении самолета в Баграме нас встречал еще не сдавший должности, но, считай, уже бывший командир полка, Герой Советского Союза Кузнецов. Грачев раскинул руки для объятия, но Кузнецов устремился ко мне и мы с ним крепко, по-мужски обнялись — мы же служили вместе, в Болграде.

— Как складывались отношения с будущим министром обороны?

— Да нормальный он парень. И какие отношения могут быть у командира с подчиненными? Уставные, но в то же время дружеско-боевые. Как-то раз, на боевых, авиационный и артиллерийский наводчики оказались не в том месте, где нужно, и в это время полк попадает под перекрестный огонь «духов». Грачев дает мне команду типа того, делай, что хочешь, но наводи авиацию на противника. Связываюсь с «Грачами» и трассерами из ДШК, показываю им цели.

— Естественно, под вражеским огнем?

— Тогда об этом не думал — выручал полк.

— Орден Красной Звезды — за это?

— И за эту операцию — тоже.

— Орден Красного Знамени...

— Проходила большая армейская операция: два полка и бригада выдвигались по узкому ущелью на Ургун в сторону Пакистанской границы. Бомбить ущелье нельзя: вблизи граница, горы в деревьях — видимости для летчиков никакой. Вдобавок, подорвался армейский саперный БТР, на котором находился командир отряда обеспечения, и мне, по приказу командира группировки, пришлось возглавлять этот отряд обеспечения.

— Я так понял, что ты со своим отрядом двигался в самом что ни на есть авангарде всей группировки?

— Так оно и происходило с поправкой на местную экзотику: высота над уровнем моря 2200 метров, мороз 15—18 градусов, снег выше колен, узкое Ургунское ущелье, под завязку напигованное минами разной степени сложности.

— Много у тебя было в отряде потерь в той операции?

— Ни одного из восемнадцати саперов, с кем мы обезвредили больше двухсот мин в этом семнадцатикилометровом ущелье, которое преодолевали четверо суток. Правда, три подрыва техники было. Ну и — что? Заменяли гусеницы — и вперед, продолжать выполнять задачу.

— И тебя представили к Красному Знамени?

— Представить-то представили, но на следующий день из штаба ВДВ пришла телефонограмма, что, вместо Красного Знамени, меня представили ко второй Красной Звезде. Командир полка Федотов, сменивший Грачева, пришел в ярость, тут же по закрытой связи связался с командующим ВДВ генерал-полковником Сухоруковым и...

— Справедливость была восстановлена?

— Орден мне вручал через несколько месяцев сам Сухоруков в штабе ВДВ, когда я вернулся в Союз из Афганистана для поступления в академию...

— Вернемся к телеграмме Стародубцева.

— В девяностые годы создалась весьма своеобразная ситуация. Не только в нашей Тульской области. В земле постоянно находили разные боеприпасы еще той войны. А разминировать их было некому — бардак сплошной творился в стране. Да что я тебе это объясняю — все мы выварились в этом беззаконии и беспределе. Короче, армия отказалась от разминирования этих отголосков войны. И мне пришлось с нуля, впервые в стране создавать при Тульском ГО-МЧС «Группу выполнения специальных работ» с государственной лицензией на все виды подрывных работ с боеприпасами любой сложности. Написал программу подготовки специалистов и пять лет непрерывно выезжал на разминирование не только в Тульской области. Ко мне приезжали со всей страны за помощью в создании подобных групп. Даже Лебедь, будучи губернатором Красноярского края, позвонил и попросил помощи. Не отказал и ему, конечно, только спросил о том, какие могут быть в далекой сибирской земле захоронения боеприпасов.

— Ты обмолвился, что пять лет возглавлял созданную тобой группу.

— Кроме разминирования боеприпасов и подрыва льда на реках меня стали привлекать на разминирование дверей квартир и домов определенного сорта людей. Привлекали и МВД, и ФСБ. А разминирование дверей от разминирования боеприпасов намного отличается в худшую сторону. Если сотрудники МВД и ФСБ в случае ранения при разминировании получали огромные компенсации, то мне приходилось работать за одну зарплату. Хотя основная, самая опасная, работа возлагалась на меня.

Нас, саперов, даже не бралась страховать ни одна страховая компания. Пошел к Стародубцеву, объяснил ситуацию — он развел руками: дескать, ничем помочь не могу.

— И, зная тебя, ты его, конечно, послал куда подальше.

— Не так грубо, но, по сути,— правильно...

Это он в повседневной жизни вспыльчивый, не терпящий компромиссов и несправедливости, а во время работы с ВВ (взрывчатыми веществами) он — сама собранность, само совершенное хладнокровие с железобетонными нервами.

Май 2009 года,

Тула.

Через год с небольшим после выхода книги «Афганцы Тулы» я попросил Олега написать самому воспоминания о войне в Афганистане, кои с удовольствием и представляю во второй книге о тульских афганцах, с незначительными сокращениями и правками.

...В конце октября 1982 года оперативным командованием 40-й армии была предпринята очередная операция по нейтрализации «духовских» бандформирований в ущелье Панджшер. Там в это время в населенном пункте Анава находился 2-й батальон 345 опдп.

Колонна в составе 1-го и 3-го батальона 345 опдп, усиленная батареей БМ-21 «Град» (6 единиц), вошла в ущелье в районе Дехи-Нау утром. Отряд обеспечения движения (ООД) двигался на «броню», изредка останавливаясь и проверяя подозрительные места на наличие мин и фугасов, для чего саперы спешили на дорогу. Установки «Град» были распределены по колонне между боевыми машинами батальонов для их защиты в случае нападения «духов».

Когда ООД, штаб полка во главе с П. С. Грачевым и 3-й пдб уже втащились в населенный пункт Анава, по оставшейся колонне 1-го пдб (командир батальона В. В. Пименов) с правой стороны ущелья «духи» открыли огонь из ДШК (12,7 мм). Били целенаправленно по БМ-21. До Анавы оставалось 2—3 километра.

Огнем противника была поражена одна установка БМ-21, в результате чего она загорелась. О чем комбат-1 доложил по радио П. С. Грачеву. Командир полка приказал комбату-1 принять решение на месте. Ввиду того, что установка БМ-21 горела, а на направляющих находились сорок штатных боеприпасов калибра 122-мм, В. В. Пименов принял решение: для успешного продвижения батальона вперед сбросить горящую установку в ущелье. Что и было сделано в считанные секунды, благо дорога проходила по «полке»: слева — горы, справа — ущелье. Экипаж установки эвакуировал, а саму установку БМ-21 толкнула в пропасть. Во время втягивания колонны 1 пдб с техзамыканием в Анаву горящая установка БМ-21 взорвалась. Взрыв был такой силы, что личный состав, находившийся в населенном пункте Анава, почувствовали удар воздушной волны, как хлыстом по телу. П. С. Грачев, располагавшийся в то время в штабе 2 пдб, тут же закричал по радио: «Что взорвалось?», на что В. В. Пименов спокойно ответил: «Что горело — то и взорвалось».

...В апреле 1983 года командованием 40-й армией была организована операция по очистке зеленой зоны северо-восточной части Черикарской долины от «духов» в районе населенного пункта Саяд. Операция проводилась подразделениями 103-й вدد совместно с 1-м и 3-м пдб 345-го опдп. Руководил операцией командир 103-й вدد генерал-майор А. Е. Слюсарь. Населенный пункт Саяд располагался на правом берегу реки Панджшер, ширина которой в том месте составляла 80—100 метров, а берега реки соединял мост, нависший на 20—30 метрах над водой.

ООД 103-й вدد первым вошел на мост, и первая машина отряда БТС, отъехав от моста на 100—150 метров, взорвалась на фугасе и загорелась. Одновременно «духи» из «зеленки» открыли шквальный огонь из стрелкового оружия и гранатометов,

подбив еще и БТР-70 из отряда обеспечения движения. Бойцы успели эвакуироваться и вытащить раненых из БТРа. К сожалению, механика-водителя БТС вытащить не удалось — он сгорел в машине.

Саперам 345-го опдп было приказано ночью вытащить сгоревший БТС с трупом механика-водителя на нашу сторону. Лишь только стемнело, БТС с командиром взвода инженерно-саперной роты 345-го опдп лейтенантом В. И. Пахомовым двинулся через мост к сгоревшему БТС, но через 50—100 метров за мостом был обстрелян из гранатометов и возвратился обратно.

Ночью руководитель операции генерал-майор А. Е. Слюсарь собрал оперативное совещание, на котором обвинил командира 345-го опдп П. С. Грачева в том, что тот не может выполнить поставленную перед ним задачу, т. к. боится потерь личного состава.

Надо отметить, что П. С. Грачев очень берег людей и все делал для того, чтобы минимизировать потери. Тогда 345-й опдп находился в оперативном подчинении командира 103-й ввд только на период проведения операции, и П. С. Грачев тут же связался с командующим ВДВ Д. С. Сухоруковым, доложил обстановку и высказал свое предложение: «Мы эту задачу сегодня не выполним, но выполним завтра и без потерь». На что командующий ответил, что утверждает решение П. С. Грачева.

П. С. Грачев собрал оперативное совещание командиров подразделений 345-го опдп и выслушал предложения по выполнению указанной задачи. Командир 3-го пдб С. Н. Быстров предложил, руководствуясь Боевым Уставом ВС СССР, с утра развернуть в боевую линию машины батальона с десантом и по воде форсировать в районе моста реку Панджшер; затем, при выходе на противоположный берег, спешить десант и под прикрытием огня орудий и пулеметов боевых машин оттеснить «духов» с «зеленки», тем самым дать возможность нам (саперам 345-го опдп) эвакуировать сгоревший БТС. П. С. Грачев, выслушав предложения комбата-3, утвердил его.

С рассветом двадцать семь БМД-1 3-го пдб развернулись на исходном берегу в боевую линию и по команде командира полка начали форсировать реку. Огонь из орудий БМД-1 «Гром» и огонь из курсовых пулеметов заставил «духов» отступить, что позволило десантникам спешиться на противоположном берегу, открыв при этом огонь из автоматов и пулеметов все по той же «зеленке». Практически не встречая сопротивления противника, войска вошли в населенный пункт Саяд. Естественно, саперы после такой атаки смогли пересечь мост и эвакуировать БТС 103-й ввд со сгоревшим механиком-водителем и подбитый БТР-70. После чего началась плановая очистка от «духов» всего населенного пункта Саяд.

...В мае 1983 года оперативным командованием 40-й армии 345-му опдп была поставлена задача: войти в ущелье Ниджраб, форсируя реку Панджшер, и оттеснить «духов» из этого ущелья.

От базы 345-го опдп в Баграме до реки Панджшер — около 20—25 километров. Впереди, как обычно, шли саперы, т. к. на пути продвижения колонны техники полка имелось 5—6 переездных железобетонных мостиков через арыки, которые приходилось проверять на минирование. В основном шли вдоль проложенных дорог по целине, страхуясь от возможных мин на дороге. Но все мосты приходилось тщательно проверять на наличие мин, что оказалось архиважно, как говорил вождь пролетариата, — обнаружили и обезвредили шестнадцать мин итальянского производства ТС-6,1.

При подходе к реке Панджшер пришлось искать место входа в воду для переправы и место выхода из реки. За 6—8 километров от серпантина на гору перед Ниджрабским ущельем река имела ширину 80—100 метров и довольно быстрое течение (2—3 м/сек). Командир полка П. С. Грачев приказал мне определить места

входа и выхода из реки. Плавающих средств, кроме БМД-1, БТРД и командирской машины связи «Чайка», в полку не было; все остальная техника с боеприпасами и продовольствием — колесные автомашины ГАЗ-66, УРАЛы и КАМАЗы. Проверять скорость течения и глубину реки, мой БТРД от конечной точки выхода из реки течением снесло на 250—300 метров. Возвратившись обратно, я предложил командиру полка пересечь реку на БТС, перетащить трос с лебедкой длиной в 100 метров на исходный рубеж и закрепить его на другом БТСе. Затем, используя буксирные крюки и тросы колесных машин, вроде поводков для собак, переправить всю колесную технику полка и приданные нам «Грады». Командир полка утвердил мое предложение, собрал оперативное совещание, поставил всем подразделениям боевую задачу на форсирование своим ходом реки Панджшер. В пределах 11—12 часов местного времени полк начал переправу. БМД-1 и БТРД шли своим ходом, но для тех механиков, которые не смогли справиться с течением, ниже было выставлено два БТРД моей роты для перехвата, в случае необходимости, и буксировки этих машин к берегу. К 17 часам переправа завершилась, и полк двинулся к серпантину с перепадом высот в 200—250 метров для подъема на гору перед ущельем Ниджраб. На полутора километрах серпантина саперы роты обезвредили три самодельных фугаса с электровоспламенителем на батарейках и восемь мин ТС-6,1 и МК-7. К 21 часу полк вышел на плато перед ущельем Ниджраб и расположился на ночлег. Во время марша заместитель командира взвода инженерно-саперной роты сержант Г. Пызин подстрелил варана, которого вечером приготовили на костре. На жаркое пригласили заместителя командира полка С. И. Родионова, который всячески расхваливал мясо «барана».

...По правому берегу реки Панджшер со стороны Джелалабада вдоль Джелалабадского водохранилища проходили караванные пути из Пакистана в Черикарскую долину. В июне 1983 года по оперативным разведданным со стороны Джелалабада по этому маршруту должен был проходить караван с оружием. Разведрота полка под командованием В. Пинчука, высланная в засаду, захватила у «духов» более 130 единиц стрелкового оружия, боеприпасы, около 200 мин и около 250 килограммов лазурита.

...В августе 1983 года на тот же маршрут в засаду направился разведбат 108-й мсд. Но в это же время на одном из блок-постов на дороге Кабул—Черикар «духи» захватили в плен бойца этой дивизии, и две роты разведбата с засады были сняты для поиска пропавшего бойца. Штаб 40-й армии отдал распоряжение командиру 345-го опдп выслать на место засады разведбата свое подразделение. Разведрота В. Пинчука в ночь в пешем порядке начала выдвижение в указанный район, который находился в 15—17 километрах от расположения полка в Баграме. А бронегруппа, находясь в режиме ожидания на территории дислокации полка в готовности, в случае непредвиденной ситуации, должна выдвинуться к разведроте и поддержать ее огнем. Операцией руководил начальник штаба полка А. А. Сигудкин.

Но «деятели» из штаба 40-й армии забыли предупредить командование 345-го опдп о том, что две роты разведбата сняты с засады, а одна — осталась на месте. При подходе к месту засады передовой дозор подал знак командиру разведроты В. Пинчуку, что впереди обнаружены люди, но уже было поздно. Залп из стрелкового оружия и подствольных гранатометов разметал разведроту 345-го опдп, находящуюся на марше. Командира разведроты капитана В. Пинчука спас боец, шедший перед ним, прикрывая его. Он получил гранату из подствольника в голову и погиб; осколками был ранен и командир разведроты. Услышав русский мат, оставшиеся бойцы разведбата 108-й мсд после команды прекратили огонь по своим. Результат — шестеро погибших, семнадцать раненых разведчиков 345-го опдп.

После первых выстрелов вся бронегруппа из расположения полка ринулась — иначе и не скажешь — к месту столкновения, не дожидаясь радиодоклада, ввиду очень хорошей видимости осветительных ракет над местом так называемого боя. Впереди — БТР-70 с начальником штаба А. А. Сигудкиным, но мне пришлось его обогнать, так как впереди колонны, однозначно, должна идти машина отряда обеспечения движения. По прибытии на место увидели «братание»: бойцы разведбата 108-й мсд, разобравшись в обстановке, оказывали посильную помощь братьям по оружию. Вот так недоработка кого-то из штаба 40-й армии привела к трагическим безвозвратным потерям и выводу из строя около 30 % личного состава разведроты 345-го опдп.

Через день командир полка П. С. Грачев на построении полка объявил всему личному составу, что любой желающий из любого подразделения по собственному желанию будет переведен в разведроту для ее пополнения. Желающих нашлось много, но с моей инженерно-саперной роты желающих не нашлось. Собрав после построения свою роту, предложил перевод в разведку, на что последовал ответ: «Мы все равно впереди их идем — какой смысл переводиться?».

Надо отдать должное, в последующем командующий 40-й армией генерал Генералов извинился перед П. С. Грачевым за бессмысленные потери, но этим матерей, потерявших своих сыновей, не успокоить.

...21 июля 1983 года по замыслу оперативного командования 40-й армии 345-й опдп был направлен на оперативную операцию в район Пагман — северо-западную часть Кабула. В принципе, это ухоженные, очень красивые, кои у нас именуются, дачи довольно зажиточных граждан Кабула и окрестностей. Руководил операцией командир 103-й ввд А. Е. Слюсарь.

Утром 23 июля наш полк (345-й опдп) во главе колонны начал движение по плато в сторону населенного пункта Пагман. В очередной раз бронегруппа с ОДД шла без прикрытия слева и справа. Около семи часов утра нас обстреляли из стрелкового оружия и гранатометов. К этому времени мы продвинулись на 5—7 километров вглубь населенного пункта Пагман.

Я возглавлял ООД; впереди шел БТС с механиком-водителем Владимиром Юденковым и оператором ДШК Алексеем Ичетовкиным. И вот в этот БТС справа из-за дувала был произведен выстрел из гранатомета. И хотя я заставил Ичетовкина сесть вглубь машины и не торчать на броне с ДШК, выстрел гранаты попал в бронешиток на башне, расплылся и ушел вниз в башенку, где задел стальной шлем, надетый на танковый шлем Ичетовкина. Механик-водитель Юденков доложил мне, что Ичетовкин ранен, но еще шевелится. Я принял решение вывести БТС из зоны огневого соприкосновения и попытаться спасти раненого оператора. Связался с комбатом-1 В. В. Пименовым, батальон которого шел за ООД, и нас прикрыли из боевых машин, открыв огонь по засадам «духов» и справа, и слева. Запросив механика-водителя БТС В. Юденкова о состоянии машины, я распорядился, чтобы он попытался развернуть машину на 180 градусов влево по ходу колонны и вывезти раненого оператора для дальнейшей эвакуации. По моему запросу к нам спешил по обочине на БТРД, невзирая на возможное минирование, начальник медицинской службы 345-го опдп С. С. Яковлев.

Развернув БТС, Юденков по обочине смог уйти навстречу «Филину», т. е. С. С. Яковлеву, но спасти Лешу Ичетовкина, к сожалению, не удалось (в 2005 году мы ездили в Кировскую область на могилу А. Ичетовкина и установили там хороший памятник). В это время комбат-1 В. В. Пименов, ведя огонь из всех видов оружия, развернул колонну на 180 градусов и последовал за мной.

Вечером на разборе боевых действий руководитель операции генерал-майор А. Е. Слюсарь поднял меня, как начальника ООД, и спросил, на каком основании я

прекратил продвижение колонны вперед и развернул ее обратно. Я ответил, что пытаюсь спасти жизнь своего бойца. За меня заступился командир 345-го опдп подполковник А. Н. Федотов и начальник штаба полка подполковник В. В. Безруков. Они констатировали, что решение командира ООД было единственно верным в той ситуации, иначе бы мы потеряли еще и технику, и бойцов. Комбат-1 В. В. Пименов предложил следующим утром развернуть десантников в боевую линию и под прикрытием огневых средств БТР-70 и БМД-1 начать выдавливание «духов» из населенного пункта Лагман.

Утром 24 июля так и произошло. Десантники 1-го пдб, под прикрытием огневых средств бронегруппы, двигались параллельно с ООД, и к 15.00 24 июля населенный пункт Лагман был полностью под контролем оперативного командования.

...Самая длительная, на моей памяти, операция армейского масштаба проводилась командованием 40-й армии в январе 1984 года.

8 января в три часа утра 345-й опдп в составе 1-го и 3-го батальонов, двух батарей артдивизиона, батареи АСУ «Нона» и подразделений обеспечения начала выдвижение в район плато Ургун на юго-восточной границе Афганистана с Пакистаном. Впереди 345-го опдп шел ООД 45-го отдельного армейского саперного полка в составе отделения саперов на БРДМ. Мы встретились с ними на Т-образном перекрестке дорог Черикар — Баграм, и далее я только следил за маршрутом движения, а все обеспечение марша лежало на ООД 45-го ОИСП.

До Кабула от Баграма около 75—80 километров. Около 5.30—6.00 наша колонна начала спускаться в Кабул и перед городом повернула налево. Поначалу я не придавал этому значения, доверяя ООД 45-го ОИСП, который шел в авангарде нашего полка. Но по истечении 30—40 минут после поворота налево перед Кабулом у меня зародилось сомнение. Мы должны были двигаться на юг, в сторону Гардеза, через весь Кабул. Дорога же простиралась на «полке»: слева — горы, справа — река. Плюс — в глаза било восходящее солнце: мы шли на восток. Я по радио запросил начальника штаба полка В. В. Безрукова. Он ответил, чтобы я не вмешивался, так как нас ведет «Крот» (ООД 45-го ОИСП) и он знает, что делает. Еще через 10—15 минут я окончательно убедился, что мы движемся по дороге на Джелалабад. Об этом я в очередной раз доложил начальнику штаба полка, что движемся не туда, куда надо. Спустя 4—5 минут радиостанция голосом командира полка приказала, чтобы я бросил этого долбанного «Крота» и разворачивал колонну в нужном направлении. Пришлось на горной дороге разворачивать колонну из почти девяноста единиц техники на 180 градусов, на что угрожали полтора часа драгоценного времени. И в Кабул вошли где-то в 10—11 часов, пройдя город без происшествий, в сопровождении афганского спецназа «Царандой».

К утру 10 января полк, пройдя мимо населенного пункта Гардез, вышел к ущелью Ургун. По замыслу наша оперативная группировка в составе 345-го опдп, 66-й одишб и полка дислоцирующегося в Гардезе, должна пройти по ущелью в Ургунскую долину на границе с Пакистаном, куда ушли «духи», скрываясь от преследования. Буквально при входе в Ургунское ущелье БРДМ ООД 45-го ОИСП подрывается на mine и у него отрывает колесо. Командир 345-го опдп, связавшись с руководителем операции начальником штаба 40-й армии, предложил возглавить ООД оперативной группы 40-й армии саперам своего полка. На что получил «добро», и мне приказал возглавить ООД 40-й армии на все время проведения операции в ущелье Ургун и Ургунской долине.

Высота Ургунского ущелья и Ургунской долины — 2200 метров над уровнем моря; январь, глубина снега — 30—40 сантиметров. Мои саперы, по колени утопая в снегу, шли по дороге и где цунами, где руками искали мины и фугасы (по разведанным — все дороги в долине были заминированы). На первых пятистах метрах при входе в ущелье подрывается ИМР из ООД, за ним в течение 30—40 минут подрыва-

ются два танка из ООД. Проблемы небольшие — оторванные катки, за замену которых уходило 30—40 минут.

По истечении двух часов мы продолжили движение, но у меня где-то в глубине души закрался страх. Хорошо, если подрываются машины на базе танка, а если БТР-70, БМД или БТРД? От такой мины (ТС-6,1) может пострадать и экипаж. Связавшись с начальником инженерных войск 40-й армии генералом А. Рябухой, получил приказ, чтобы все машины на гусеничном ходу ООД давили мины, пропущенные саперами.

Решив все же не рисковать техникой, расчищая новый путь ИМР (инженерная машина разграждения) рядом с существующей дорогой, начал прокладывать путь по руслу замерзшей реки и по обочинам. Однако, мои саперы все равно шли по дороге и снимали мины и фугасы. За первый день пути по Ургунскому ущелью мы прошли 3,7 километра, затем остановились на ночлег.

При остановке на третий ночлег, расставив технику полка, выслав на сопки справа и слева боевое охранение, в 18 часов нас собрал на постановку боевой задачи командир полка подполковник А. И. Федотов. И тут нас стали обстреливать «духи» из безоткатки. Два выстрела легли вхолостую, а третий — угодил в «Нону», батарея которых балы развернута на боевых позициях в готовности прикрытия в случае необходимости боевого охранения. Снаряд безоткатки угодил в борт установки и убил механика-водителя; загорелись матрасы, которые экипаж брал с собой на боевые действия. Ввиду большого огня пожар в машине потушить не удалось и по приказу командира полка находящийся рядом личный состав и технику срочно рассредоточили на безопасное расстояние. От установки после взрыва через двадцать минут двадцати штатных снарядов остался казенник от пушки и двигатель, который угодил в палатку афганцев, убив одного человека.

На следующий день радио «Голос Америки» передало, что в Ургунском ущелье моджахеды уничтожили русский танк.

В третий день пути по ущелью нас постоянно обстреливали «духи», хотя справа и слева по сопкам у нас шло боевое охранение. К 16 часам третьего дня мы подошли по ручью к водопаду высотой 3—3,5 метра, который наша техника, кроме машин на базе танка, преодолеть самостоятельно не могла. Пришлось закладывать под водопад взрывчатку и после взрыва делать съезд ИМР, и долго саперам вручную носить камни.

В момент руководства этими работами по мне открыл огонь «духовский» снайпер. Вначале я не понял, почему огонь ведется по мне, ведь одет был как все остальные бойцы: валенки, ватные штаны, бушлат, солдатская шапка и бронежилет. Пришлось «качать маятник» и бежать к своему БТР-70, краем глаз замечая с обеих сторон от себя фонтанчики от пуль снайпера. Но, не добежав 5—6 метров до укрытия, поскользнулся и упал на спину. Ко мне из укрытия бросился командир отделения моей роты Николай Зибров, ухватил за полу бушлата и затащил меня за БТР. На том месте, где я мгновение назад лежал, взметнулся очередной фонтанчик льда от пули снайпера. Только в укрытии мы поняли, почему стреляли именно по мне: за спиной у меня находилась радиостанция Р-148 — поэтому-то «духи» и решили, что перед ними советский офицер. Связавшись с разведчиками, которые шли по правой стороне ущелья, мы навели их на «духов», и стрельба прекратилась.

Четвертый день пути по ущелью Ургун новостей не принес; саперы снимали мины и фугасы, и к исходу дня вся колонна армейской группировки вошла в Ургунскую долину. Так за четыре дня пути нами было преодолено семнадцать километров Ургунского ущелья, снято более двухсот мин и фугасов, потеряна одна «Нона» с механиком-водителем.

За эту операцию меня представили к ордену Красного Знамени.

Йосси Кински
(г. Москва)

СЭНДВИЧ ДЛЯ ПОЭТОВ

Окончил Университет культуры и искусства по специальности «Художественное творчество и экранная драматургия (сценарист)».

Публиковался в литературных журналах России, США. Автор более 10 киносценариев, нескольких театральных пьес.

Буйная осень Люксембургского парка, перешеголяв своими красками отцветающие, бледноватые и пыльные, но все еще ароматные розарии, подмешала к их запаху нотки прелой листвы и раннего утреннего морозца. Пожелтевшие листья клена живописно кружились в воздухе, падая на одинокие столики кафе и изящные скамейки. Дождливая свежесть серого камня королевского дворца словно шептала о вечности своей незабвенной красоты.

Казалось, Виктор и Вильям, уютно усевшиеся на креслице у фонтана, как и все остальные посетители Люксембургского сада, решили немного погреться на солнце, отдохнуть, вдыхая аромат свежего парижского утра, а потом прогуляться по роскошному саду, который в утренние часы просто великолепен. На самом же деле Виктор и Вильям просто безумно устали от ходьбы и голода, и поэтому им было не до прогулок, ведь со вчерашнего дня они ничего не ели. Здесь можно было перекусить в роскошном летнем кафе с ажурными коваными столиками, утопающими в кленовых звездах. Каждое утро тут пекли восхитительные круассаны, похожие на пышные мягкие облака, и багеты, буквально тающие во рту. Однако в этом парке только благоухающий воздух был бесплатным. А у Виктора и Вильяма карманы были пусты.

Вильям не был Шекспиром, а фамилия Виктора была вовсе не Гюго, чтобы из уважения к ним не требовали денег. У них не было ничего общего с великими гениями, но оба наизусть знали сонеты Шекспира. Иногда они декламировали их друг другу, проверяя память.

Порой друзья уходили в иллюзорную реальность. Виктору казалось, что он автор знаменитого романа «Собор Парижской Богоматери», а Вильям видел в себе Шекспира. В знак признания они пожимали друг другу руки, давали дельные советы.

А если бы и в самом деле Шекспир и Гюго жили в современную эпоху, какова была бы их участь? Интересно, они бы также, как эти два глупца, нищенствовали?!

Вильям был уроженцем одного из городов Флориды — Порты Шарлотты. Как и Виктору, ему было около шестидесяти лет. Долго рассказывать, как он попал во Францию. Он не любил говорить на эту тему. Он был дантистом. Кажется, однажды, когда он удалял зуб одной высокопоставленной особе, по неосторожности или преднамеренно он подхватил неизлечимую болезнь. Чтобы не заразить своих родных, он навсегда покинул свой дом. Виктор же, наоборот, с большим удовольствием расска-

зывал о своей красивой прошлой жизни. Но в какой-то момент, когда он осознал ужас своего нынешнего положения, он мгновенно замолкал.

Жена Виктора скончалась десять лет тому назад. Он жил вместе с сыном. Однажды сын дал ему пощечину, и Виктор сгоряча выпалил: «У меня больше нет сына!» С тех пор он ушел из дома, куда больше не возвратился. То, что его взрослый сын, которого он вырастил и воспитал, смотрел до глубокой ночи порнографические сайты в Интернете, а по телевизору странные передачи с помощью параболической антенны, для отца, придававшего огромное значение национальным обычаям и следовавшего традициям, становилось невыносимым. В оскверненный таким образом дом Виктор не мог больше вернуться. Оставив все нажитое за долгие годы вместе с женой, занимавшей высокий пост: трехкомнатную квартиру в центре города, дорогую автомашину, а самое главное, очень ценную коллекцию книг, он предпочел скитаться по свету.

Вытянув ноги и картинно сложив на груди руки, друзья откинулись на спинки кресел. И теперь они, закрыв глаза, повернулись лицом к небесам и закрыли усталые веки, словно прося в безмолвной молитве у Господа кусок мяса или хлеба, который стал бы для них счастьем. Им казалось, что Господь не слышит их нехитрых молитв.

В парке неподалеку от кафе располагались теннисные корты. На них носилась молодая пара, которая, не так давно соединив свои судьбы, была занята забавной игрой, с азартом стремясь к победе над супругом любой ценой. Их пятилетний толстенный сын с кудрявыми волосами и сэндвичем в руках гулял с бабушкой в парке. Его маленькое личико лоснилось, словно булочка в сэндвиче. Казалось, что крохотные глазки и носик утонули в мясистых и румяных щеках.

Проходя мимо фонтана, малыш вдруг споткнулся и упал. Звонкий рев навзрыд звучной сиреной огласил окрестные красоты. С соседнего клена сорвалась испуганная стая грачей и, подняв возмущенный гвалт, закружилась в воздухе. Виктор и Вильям открыли глаза. Но голод не позволил им перебороть себя и подняться, чтобы помочь ребенку встать. Уставившись на ароматный сэндвич в руках карапуза, они молча таращились на него во все глаза.

На вой сирены отреагировали и играющие родители. Мать, обернувшись на крик, пропустила удар, и под громкие торжествующие вопли отца, мяч, подпрыгивая на ходу, покатился в угол корта. Бабушка помчалась на звук мгновенно и с такой скоростью, словно его издавал не ее откормленный сородич, а пожарная машина, приехавшая тушить горящий жилой квартал.

Когда бабушка поднимала ребенка, два больших куса мяса из сэндвича Патрика упали на едва тронутую желтизной траву. Бабушка, стряхнув с одежды мальчугана налипший мусор, повела ребенка к родителям. Виктор и Вильям проводили жадными взглядами удаляющийся сэндвич, затем огляделись вокруг и переглянулись. Отбивные на траве манили их, как в дешевой рекламе: «Заберите нас с травы, придавите своими зубами, овладейте нами! Сегодня, вырвавшись из ада кипящего масла на огромной сковороде, мы нашли успокоение, попав в объятия теплого хлеба, укрытого листом чуть влажного хрустящего салата. Но это лишь временное облегчение, ведь так варварски нас лишили уютного местечка, выбросив на мокрую осеннюю траву, словно это достойный финал наших мучений! Спасите же нас, смойте обильной слюной пятно пренебрежения и позора с наших подрумяненных бочков!»

Виктор и Вильям прекрасно понимали друг друга без слов. В мире иллюзий, где они вдвоем спасались от голода, витиеватые словесные баталии давно уже приучили друзей понимать друг друга с полувзгляда. Вильям, бросая на друга сердитый взгляд, казалось, хотел сказать: «Извольте, сударь?» А Виктор, едва заметно пожав плечами, будто ответил: «Как можно, дорогой друг? Не смею прикоснуться к нему прежде вас,

жившего и творившего раньше меня на пару веков!». «Ах, оставьте, Виктор, давать дорогу молодежи — наш священный долг!» — благосклонно и едва заметно кивнул старший. «Извольте, милостивый государь, рассудить со всем вниманием, каково будет поднять Виктору Гюго с земли что-то перед таким количеством соотечественников, не уронив своего достоинства?» — легкая тень брезгливости пробежала по лицу младшего. «Где слабеет дружба, там усиливается церемонная вежливость! Теперь я понимаю, за что меня причислили к гениям! Прошли столетия, а как свежа эта мысль! Быть может, станем титулами и знатностью мериться? Извольте...»

Увлечшись беседой, писатели не заметили, что в реальном мире с восточной стороны парка приближался шоколадный с золотистыми подпалинами бульдог. Поравнявшись с друзьями, он покрутился вокруг Виктора и Вильяма, что-то исследуя своей слюнявой мордой. Затем кусок мяса быстро исчез в его цепких челюстях, а тягучая слюна повисла из угла захлопнувшейся пасти. Через долю секунды пасть снова распахнулась, и, щелкнув, подняла с травы второй кусок. Недолго подержав его во рту, пес шумно глотнул, а затем, высунув широкий язык, стал ехидно поглядывать на этих двоих, словно на одураченных шулером, простофиль.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ФЕДЬКА

Родился в городе Салавате 27 сентября 1958 года. Печатался: «Литературная газета», «Новая литература», «Работница», «Венский литератор», «Бельские просторы», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Мастерская», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и других.

Лауреат Международной премии «Филантроп», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, Международного конкурса им. Де Ришелье, Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Автор книг: «Поиски графских сокровищ», «Одна, но пламенная страсть» в соавторстве с Сергеем Малашко.

Член товарищества детских и юношеских писателей России, международного творческого объединения детских авторов (МТОДА), творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Скрипели старые, разохшиеся двери под резкими порывами ветра, не в силах прикрыть внутреннее убожество домов. Темными провалами смотрелись оконца. Видно было, здесь уже кто-то побывал — по-хозяйски себя вел, ничего не опасался, влезая в старые избы. Да и кого бояться-то в заброшенных деревушках, коих немеряно развелось повсюду. Все перевернули, искорежили, что-то выискивая, и, громко топоча, уходили — пакостники. А ежели с ночевьем оставались — считай, пропала избенка: подпалят, покидая, и далее отправляются, не оглядываясь, не задумываясь, что с деревней-то будет. Ветром сорвет петуха красного, и начнет он гулять по всей деревне, и нет ее больше, исчезла с лица земли, осталась лишь память о ней да печеные трубы закопченные, что сиротливо в небо уставились.

Так и стоят деревни и села там и сям, глядя на мир темными прорехами оконцев. Старики уж почти все на погостах, молодежь перебралась в города, в надежде, что там жизнь легкая. Лишь те остались, кому ехать некуда, да и незачем. Остались, чтобы свой век дожить, докуковать.

...Федор вздохнул, устало растер ладонями вспотевшее лицо, размазывая прилипшую пыль, присел на корточки, внимательно всматриваясь в едва заметную надпись на покосившемся кресте.

— Ну, здравствуй, батя,— сказал он. Торопливо начал искать в потертой сумке и достал початую бутылку с мутной жидкостью.— Вот я и вернулся домой...

Он снова стал шарить в сумке, вытащил граненую рюмку, пластмассовый стаканчик, наполнил до краев и, поставив рюмку возле креста, выдохнул, выпил из стаканчика, громко закричал и, морщась, взглянул на просевший бугорок земли.

— Знаешь, батя, а я не нашел материну могилку. Ходил, ходил по кладбищу и не смог отыскать, где она покоится. Памятники ржавые, кресты покосившиеся, а надписей нет. Одним словом — безымянные. Завтра сюда приду, мамаку разыщу и ваши могилки поправлю. Понимаю, некому было за вами ухаживать. Теперь я займусь, все исправлю. Ты прости меня, дурака, что не послушал тебя и в молодости в город сбежал за легкой жизнью. Да уж, легкая,— Федор опять тяжело вздохнул, вылил остатки из бутылки, выпил и передернул плечами.— Фу, гадость! Что я говорил? А, да... О легкой жизни рассказывал. Кому-то она как мать родна, а мне словно мачеха. Закружила, завертела и выбросила на обочину. Все повидал, всюду побывал, даже в тюрьму угодил. Там-то и вспомнил твои слова, что везде хорошо, где нас нет, и то, что дом — это родина, мать родная. Так и получается. Шлялся-мотался, за длинным рублем гонялся, полстраны проехал, а в кармане — вошь на аркане: все проел, прогулял, а пришло время — в родной дом воротился и каюсь, что прозрение поздно пришло. Кнутом, вожжами нужно было меня хлестать до крови, до визга, на цепь сажать, чтобы никуда не рвался, тогда и не пришлось бы мыкаться — это я сам виноват, что так получилось. Ничего, теперь вернулся, надо думать, как жить, чем заниматься. Прошлого не вычеркнуть, батя, да от него и не уйдешь. Не знал, что теперь автобусы не ездят по деревням. Пришлось на шоссе водителя просить, чтобы остановился, а потом пешим ходом столько верст сюда добирался. Издаля глянул на деревню, что от нее осталось, на разруху, и сразу на кладбище отправился. Да уж, сильно разрослось... Читаю, вижу знакомые имена, а вспомнить никого не могу. Эх, жизня...

— Чего шляешься по погосту, нехристь? — услышал Федор, хотел повернуться и почувал сильный удар по спине.— Мало вам, что все избы изгадили, так еще и сюда добрались. Креста на вас нет, разбойники!

Извернувшись, чтобы еще раз не получить по хребтине, Федор отскочил в сторону и прижался к старенькой ржавой оградке.

— Баба, хватит меня костерить! — рявкнул он и посмотрел на сгорбленную, сухонькую старушонку, одетую в залатанную черную юбку до щиколоток, из-под которой виднелись замызганные галоши, на плечах был ватник, весь в дырках, голова повязана коричневым шерстяным платком, седые прядки выбились, закрывая морщинистый лоб, и были заметны блеклые голубоватые глаза.— Отстань от меня, карга старая! Нашла место, где клюшкой своей махать.

— Вот ужо погоду,— опять намахнулась клюкой старуха.— Покличу народ с деревни, вмиг бока намнут!

— Да какой народ, с какой деревни, бабка? — Федор оглянулся на редкие дома, видневшиеся среди кустов и деревьев.— Нет ее — умерла! А люди... Остались два старика и три калеки, да ты в придачу — и все!

— Покудова последнего не отвезут на погост, жива будет деревенька, жива,— старуха погрозила скрюченным пальцем и снова намахнулась клюкой.— Вот отхожу тебя, ирод, тогда узнаешь! Откель тебя занесло в наши края, лихоимец?

— Я местный, бабка, здешний,— Федор кивнул на могилу.— Тут мой батя лежит, а мамаку так и не нашел. Эх, жизня...— он тяжело вздохнул, снял засаленную кепку и пригладил взъерошенные волосы.

— Местный, говоришь? Погодь, погодь,— прищурившись, старуха начала всматриваться.— Да ну... Неужто Федька? Не может быть! Ты же...— не поверив, она перекрестилась и отмахнулась: — Сгинь!

— Да, бабка, я вернулся,— перебил ее Федор, смял в руках кепку и повторил: — Домой вернулся... А тебя, старая, что-то не припомню.

— Дык у нас болтали, будто тебя уже давным-давно схоронили, а ты живехонек стоишь передо мной,— продолжая всматриваться, бабка опять быстро перекрести-

лась.— Даже заупокойную заказывали батюшке. Твои, пока живы были, каждый год, на родителей, тебя поминали. Говоришь, не помнишь, да? — и, прикрыв ладошкой беззубый рот, дробно засмеялась: — Я же бабка Ляпуниха, баб Катя... Ну та, которая тебя, когда начал женихаться, отстегала крапивой, а потом засунула ее тебе в штаны, чтобы за девками в бане не подглядывал. Опозорила на всю деревню. Хе-х!

Федор исподлобья посмотрел на нее. Да уж, он помнил этот случай, а потом еще и батя несколько раз ремнем отстегал, когда соседи проходу не стали давать.

— Не забыл,— насупившись, буркнул Федор.— И тебя, баб Катя, частенько вспоминал. До сих пор небо коптишь, старая? Ну живи, живи, сколько наверху отпущено...

— А я и взаправду думала, что тебя уж давно на свете нету,— покачав головой, сказала бабка Ляпуниха.— Сколько лет ни слуху, ни духу, а сейчас появился. Ох, шустер был, однако...

— Да жив я, жив,— поморщившись, пробормотал Федор.— Вот вернулся... Домой не заходил, сразу сюда подался.

— Господи, а что стоим-то? — перекрестившись, прошамкала баба Катя.— Ты же с дороги, чать, голодный. Пошли ко мне, покормлю, а там и погуторим,— и, не оглядываясь, она засемила по узенькой заросшей тропке.

Подняв сумку из холстины, где лежали смена белья, пара книжек, кусок дешевой вареной колбасы и четвертинка хлеба, Федор взглянул на отцовский крест, окинул взглядом заросшее сиренью да черемухой неухоженное кладбище и, неторопливо шагая, стал нагонять старуху.

Принаравливаясь к мелким шагам бабы Кати, он спотыкался на разбитой дороге. Обходил глубокие рытвины. Цеплял на мягые штаны колючий репейник, растущий по обочинам. Крутил башкой, с любопытством оглядывая деревню, когда-то большую и зажиточную, а сейчас почти безлюдную — избы вросли в землю, в некоторых мерцали огоньки лампадок, а другие смотрели в небо пустыми глазницами окон.

— Танюха,— Федор вздрогнул, услышав резковатый шамкающий голос бабки и увидел, что она приостановилась возле высокого глухого забора, где тявкнула собачонка и, заскулив, умолкла.— Заходи ко мне! Твой хахаль бывший возвратился, Федька, которого я крапивой отстегала. Не забыла? Хе-х! Отметим приезд-то... — и, постучав клюкой по забору, засемила к приземистому дому с покосившейся трубой, с крышей, где местами чернели дырья, и скамейкой возле палисадника.

— Ага, разбежалась,— донесся женский голос.— Тоже мне — хахаль. Кобелина! Нагулялся, нашлялся и вернулся. Отмечу... Кочергой да по хребтине! Ишь, женишок выискался...

— Ох, строга наша Танька, строга! — приостановившись, зашамкала баба Катя.— Вдовая... А хозяйственная — страсть! Сынки в город подались, а она не пожелала. Так и живет одна-одинешенька...

Распахнув калитку, она прикрикнула на козу, привязанную к столбику в глубине двора, поднялась, держась за поясицу, по просевшим ступенькам, толкнула скрипучую дверь и скрылась в избе, которая чуть ли не по оконца вросла в землю.

— Проходи в избу, Федька,— донесся шамкающий голос бабы Кати.— Сейчас на стол соберу, самовар вздую и покормлю тебя, горемыку.

Заметив рукомойник, Федор умылся, оставив на лице грязные потеки, вытерся носовым платком, присел на ступеньку, невесело посмотрел по сторонам и прислушался. Вдалеке одиноко пропел петух и умолк — отозваться-то некому. Сидел, глядел на соседние избы, на просевшие крыши, на буйно разросшиеся кусты, на крапиву да репейник, что заполонил все места, откуда ушли жители,— это первый признак необходимости. Там, через два двора, находилась родная изба, где он играл с друзьями.

ми. Где помогал батю и мамке. Где вечерами сидел на скамейке и дожидался, когда подаст знак Танька — его первая любовь, чтобы с ней ушмыгнуть к речке, целоваться до первых петухов, а потом крадучись прошмыгнуть в избу и завалиться на печку, пока не поднялась мать, чтобы подоить корову. Да, все было... Было, пока не уехал из родного дома. И понесло, закружило по жизни: каждодневные шашки, деньги дурные, пьянки, бабы, драки; а потом, когда из бригады выгнали, начал воровать, и как итог — тюрьма. Там-то он и понял, что жизнь зря прожита. Ни дома, ни семьи, ни детей — один как перст остался на этом свете. Более двадцати лет вычеркнуто, с корнем вырвано из жизни, пока шлялся по стране, потому что не заметил ее, жизни-то, не почувствовал ни вкуса, ни радости. Так, перекати-поле, по-другому он не мог себя назвать. Эх, жизнь...

Не выдержав, Федор поднялся, спотыкаясь, добрался до родной избы. Рванул, вырвал щеколду, распахнул скрипучую дверь и остановился на пороге, прислонившись к косяку. Затхлый воздух, запах мышей — что они грызут в пустом доме, бедолаги? Кругом свисает клочьями старая паутина. И пыль... Повсюду толстым слоем лежит пыль. Напротив, в простенке между окнами, висят в простеньких рамочках поблекшие от времени фотографии деда с бабакой и большой снимок отца с матерью, подретушированный заезжим фотографом. Под ними, на самом виду, — комод, как богатство и украшение дома. Федор помнил, что его смастерил их сосед, мастер на все руки, и даже вырезал на ящиках по паре цветков да целующихся голубей. Сверху стоят запыленные флаконы, наверное, какие-нибудь лекарства. Стопочкой лежат бумажки, а может, фотографии, да в середине возвышается пузатый графин, в который наливали самогонку, когда наступал праздник, приходили гости и его торжественно ставили возле горки нарезанного хлеба, чашек с винегретом, шербатов тарелок с помидорами и огурцами, с картошкой и прочей незамысловатой деревенской едой. В углу — божница с иконами, с лампадкой и парой свечных огарышей. Под ней притулился стол с одиноко стоящей на нем граненой рюмкой. Возле него — две разошедшиеся табуретки. Тускло сверкнула дугами старая никелированная кровать; в детстве он откручивал с нее блестящие шарики и играл с ними, пока не терял, а потом от отца получал ремнем; в изголовье чудом сохранились две большие подушки — удивительно, как не своровали, а по полу простерлись самотканые дорожки, старые и запыленные. В задней избе — лоскутное одеяло на обшарпанной печи, невеста откуда взявшийся цветочный горшок с засохшей геранью, ухваты и рядом, на полу, два-три разнокалиберных чугуна. А в шкапчике, что висел над столом, если открыть, Федор помнил, были кружки и чашки, несколько шербатов тарелок и горка ложек с вилками да пара стертых ножей...

— Федька, Федька, — донесся с улицы голос бабы Кати. — Куда умызнул? Это неугомонный! Я на стол собрала, вышла, а его уже и след простыл. Подъ сюда, пора вечерять!

Вздохнув, Федор еще раз осмотрел внутреннее убранство дома, медленно вышел, прикрыл дверь и направился к дому старухи.

В сенях, где пахло разнотравьем, чесноком и луком, он скинул стоптанные туфли, поставил рядышком с галошами бабы Кати. Куртчонку повесил на гвоздь. Поправил смятый ворот рубашки. Пригладил давно не мытые волосы. На ощупь нашел дверь и, стукнувшись лбом о низкий косяк, прошел в избу, потирая ушибленное место и продолжая держать смятую кепку. Обшарпанная печь, щелястый пол и потолок, напротив двери раскорячился допотопный стол, тронь — и развалится, а за ним засиженное мухами оконце с застиранным сероватым куском тюля. Все, как в их доме...

— Проходи, сидай, — смахнув застиранным полотенчиком невидимую пыль, баб-

ка Ляпуниха придвинула к столу табуретку.— Гостей не ждала, угощайся чем Бог послал.— Присела на краешек табуретки, наклонилась и чем-то зазвякала.

На середине стола — початый каравай, горкой высятся отхваченные крупные ломти хлеба. Из чугунок вкусно пахнет вареной картошкой в мундире. На тарелке лежат с пяток яиц вкрутую. Рядом — солонка с крупной сероватой солью. В чашке желтеет горка квашеной капусты, из которой виднеются небольшие огурчики, а поверх разлеглись мятые красновато-бурые помидоры. Отдельно на щербатом блюде — нарезанное сало, пожелтевшее, с темной прослойкой и с высохшей твердой шкуркой. Видно, что сало берегут и достают в редких случаях, когда гости приходят или наступает какой-нибудь праздник...

— Ну, Федька, с возвращеньцем,— прошамкала баба Катя и придвинула граненый стаканчик с мутной белесой жидкостью.— Выкушай стопочку с устатку, с дороги, а потом повечеряем.

Опрокинув стаканчик, Федор передернул плечами, отломил кусочек хлеба и шумно выдохнул.

— Ух, сильна! — поперхнувшись, пробормотал он, ухватил пальцами капусту и громко захрустел.— Не, баб Кать, мне хватит. Я на могилке выпил, да у тебя — этого достаточно, а вот повечеряю с удовольствием.— Он достал картошку, обжигаясь, очистил, ткнул в солонку, откусил и зажмурился от удовольствия: — Ох, соскучился по родимой!

И быстро начал есть, хватая помидоры, огурцы, высушенное прогорклое сало, лук, картошку и — жевал, жевал, жевал, причмокивая. Подавившись, исходил натужным кашлем. Смахивал крошки в ладонь и кидал их в рот, что-то бормотал, отвечая на вопросы старухи, вытирал вспотевший лоб и снова тянулся к тарелкам.

Сдвинув шерстяной платок, баба Катя поправила выбившиеся прядки седых волос, опять надвинула платок, закрывая лоб, вытерла сухонькой ладошкой морщинистый рот и, сложив руки на столе, наблюдала, как Федор торопливо ест, изредка сокрушенно качала головой.

— Да, Федька, потрепала тебя жизнь, потрепала,— сказала она, когда Федор наконец-то откинулся к стене, расстегнул ворот рубашки, утерся грязным носовым платком и осоловело взглянул на старуху.— Где же тебя носило, горемычный?

Федор достал из кармана помятую пачку дешевых сигарет, посмотрел на бабу Катю.

— Чего уж там, смоли,— она придвинула грязную банку.— Хоть в избе мужиком запахнет.

— Везде побывал,— Федор прикурил, выпустил густое облако дыма и с неохотой сказал: — Много повидал, более двадцати лет промотался на чужой стороне, оглянулся назад, а там пшик — пустота, ничего в жизни не оставил. Так, ветер в поле... И такая тоска взяла, хоть волком вой, хоть башкой об стену — все едино. Собрал вещишки и подался сюда. Сидел на могилке, с батей разговаривал, и на душе полегчало, словно он рядышком примостился, как в детстве. Я же в молодости, как сбежал из дома, так ни разу в гости не приезжал. Некогда было! Эх, жизнь...— и, выбросив окурок, снова достал сигарету, прикурил дрогнувшей рукой и опять скрылся в густом облаке едучего дыма.

— И чего же ты, милок, собираешься делать? — поджав губы, прошамкала бабка Ляпуниха.— Проведал батьку и вновь в бега подашься? Опять начнешь счастье в жизни искать?

— Нет, баб, никуда не поеду,— натужно кашляя, прохрипел Федор.— Сызнова надо жизнь начинать. Сызнова, но по другой дорожке, по настоящей, а не по той, что опять в болото заведет, где сгинуть проще простого, да и...

— Вот и правильно говоришь, правильно,— перебила, махнув рукой, бабка Ляпуниха.— Оставайся и налаживай свою жизнь. Впереди еще много годочков, а назад не оглядывайся, не тревожь душу, но и не забывай. Соседи, кто в деревне остался, тебе подмогут, а остальное сам сообразишь-сделаешь. Так и поднимешься на ноги, так и станешь жить, как твои папка с мамакой. Правильно, Федька, правильно! — повторила она и хлопнула по столу ладошкой.

— Ну, а как в деревне жилось, пока меня не было? — попыхивая сигареткой, спросил Федор.— Я же почти ничего не знаю. Первые годы получал письма, а потом, когда стал ездить из города в город, почта запаздывала. Последнюю весточку с год назад от тетки передали. Сообщила, что мамака давным-давно померла, а батю недавно схоронили, и все на этом. Как здесь жилось-то?

— Нормально жили, нормально,— поджав губы, прошамкала баба Катя.— Работали, куда колхоз был. А когда развалился, многие в город подались, другие устроились к этим... Как их... Ну, к хапугам, кто землю выкупил за копейки... А-а-а, фермеры! Что в колхозе от зари до зари работали за трудодни, что у хапуг за зерно да мелочишку — копейки. Ничего жилось, нормально,— повторила бабка Ляпуниха.

— А сейчас работа есть? — затушив окурок, спросил Федор.— Посмотрел — только ржавые косилки да комбайны возле деревни стоят.

— Кто хочет работать, тот всегда найдет,— махнув рукой, сказала баба Катя.— Вон Танюха каждый день в соседнее село мотается. Пристроилась дояркой. Дождь ли, снег ли, а она тащится. Потеплее укутается и бредет по дороге. Привыкла! То молочка, то с пяток-десяток яиц занесет, а хлеб поставит, так каравай-другой обязательно притащит. Остальные, кто здесь живет, тоже пристроились. В соседнем колхозе, как говорили, фермер всех мужиков излечил от пьянки. Надоело ему смотреть, как через пень-колоду работают, подогнал автобус, загрузил мужиков, кто самогонку хлестал, и отвез в город. Сейчас фермер не нарядует, глядя на работников, да и бабы расцвели, похорошели: ни пьянок, ни ругани, ни драчек, благоверные деньги в дом несут, а не за бутылкой в магазин бегут. Где это видано, чтобы деревенские мужики не хлобыстали самогонку? А ему удалось всех приструнить. Благодать, да и только! А давеча, по весне, Петруха с жинкой из города вернулись. Говорят, в деревне легче прожить. Хе-х! А может, и правда, не знаю... Домишко новый хотят себе ставить. Лесу понавезли — страсть! Уже свинок держат, гусятки-курятки бегают. Надо жить, Федька, жить...

Федор сдвинул тюль, посмотрел в мутное оконце, за которым сгущались вечерние сумерки. Вдохнул, помял кепку в руках, поднялся и сказал:

— Засиделись, баб Катя, заговорились. Пора и честь знать. Благодарствую за хлеб да соль! Пойду домой. Поздно уже...

— Куда тебя понесло? — посмотрев, как под осенним промозглым ветром гнутся кусты, она всплеснула руками.— Холодно, Федька! Здесь оставайся, переночуешь. Вон, на печке простишь...

— Нет, баба Катя, пойду домой,— направляясь к двери, повторил Федор.— Слишком долгим был мой путь, слишком... Ночку перекантуюсь, а завтра надо крышу подлатать, печку подправить да в доме убраться. Много дел скопилось, пока шлялся. Думаю, справлюсь. А потом, как наведу порядок, куда-нибудь устроюсь на работу. Ничего, проживу,— и, подхватив сумку, он шагнул за порог.

— С возвращением, Федька,— прошамкала бабка Ляпуниха и перекрестила вслед.— Утречком заверну к Танюхе. Уговорю, чтобы по хозяйству помогла. Глядишь, жизнь-то и наладится...

Петр Любестовский

(г. Сельцо, Брянская область)

СЧАСТЬЕ ИЗ-ЗА МОРЯ

Родился в 1947 году на Смоленщине, в д. Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Живет на Брянщине, в г. Сельцо. Работает учителем истории и права в школе-интернате. Публиковался в «Литературной России», в «Дне Литературы», в журналах: «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Искатель», «Странник», «Приокские зори», «Сельская новь», «Нана», «Огни над Бией» и других. Лауреат и дипломант международных и всероссийских литературных конкурсов. Автор восьми сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Изба Анюты Азаровой стоит на окраине поселка, на взгорье. Отсюда хорошо видно все окрест: широкое поле, засеянное хлебами, шоссе, по которому без конца снуют машины, речушка, опоясывающая поселок, а за ней, у кромки леса, старинное село с полуразрушенным храмом.

Здесь вольно душе, особенно ранней осенью, когда вспыхивают яркими огнями сады, сверкают серебром на солнце тонкие нити паутины, а на полях золотятся копны свежей соломы, вокруг которых важно разгуливают стаи готовящихся в дальний путь журавлей.

В эту пору Анята всегда встает чуть свет и идет в поле. Велико желание насладиться свежестью раннего утра, алым сиянием утренней зари, нежными красками осенних садов.

Поле открывается сразу за ее огородом, огороженным пряслом. Дойдя до ближайшей копны соломы, она не может удержаться от соблазна окунуться в мягкую перину, пахнущую хлебом, полюбоваться бездонной просинью неба и, как бывало в юности, подумать, помечтать. В дымчатой пелене утреннего тумана, стелящегося по земле, Анята замечает стаи больших красивых птиц. Они неспешно бродят по стерне, кормятся, тихонько курлычут, не обращая на нее внимания. Глядя на них, Анята невольно погружается в воспоминания...

— Дочка, хватит нежиться, беги в поле за свежей соломой для скота, пока бригада-дир спит,— тихим певучим голосом будит Анятку мать.

Белокурая, сероглазая девчонка с ямочками на пухлых щеках, отогнав дрему, в мгновение ока уже на ногах. Сменив ночную рубашку на платье и кофту, хватает с изгороди тоненькую льняную веревку и бежит в поле.

На востоке занимается заря. Огромный огненный диск медленно поднимается из-за кромки горизонта, и сизые клубы тумана тают на глазах. Постепенно светает. Утренняя прохлада понемногу уступает место теплу.

Прежде чем набрать вязанку соломы, Анята с разбега бросается в душистую

копну и, раскинув руки, долго глядит в высокое чистое небо. «Окончу школу, выучусь на агронома, вернусь в свое село и буду каждое утро встречать рассвет в поле, пить свежий воздух, настоящий на травах, любоваться волшебными красками утренней зари...»

На поле шумно опускается стая больших красивых птиц. Анюта радостно встречает журавлей:

— Здравствуйте, журавушки-красавушки! Отдохните, подкрепитесь, соберитесь с силами пред дальней дорогой!

Побродив по полю, журавли дружно взлетают и, громко курлыча, делают круг над жнивьем, прощаясь с родными местами, с уходящим летом. Выстроившись в клин, ложатся на курс и тянут к югу. Анюта вскакивает с копны, срывает с головы косынку, машет ею птицам, громко кричит:

— Журавушки, милые, доброго вам пути! Возвращайтесь домой по весне, принесите мне счастье из-за моря!

Та весна выдалась ранней. С первым теплом зашумели вешние воды, белой пеной покрылись сады, запах черемухи поплыл по округе, в кустах лозняка над рекой заливались соловьи.

Чудным весенним вечером Анюта отправилась с подругами на дискотеку в ближайший военный гарнизон. Там и положил на нее глаз смуглый кареглазый сержант-контрактник.

Он проводил Анюту до ночной электрички, вкратце поведал о себе.

— Зовут Артем Азаров. Южанин, родом из Краснодара. Здесь служил срочную, решил остаться...

Услышав про юг, Анюта усмехнулась про себя: «Видно, журавушки и впрямь услышали мою просьбу и принесли мне счастье из-за моря...»

Анюта рассказала парню, что живет в небольшом поселке, в пяти верстах от гарнизона, оканчивает школу и намерена поступать в сельхозтехникум.

— Не думал, что так бывает — увидел тебя и не смог отвести глаз,— признался Артем.— Хочу покорить твое сердце, если оно не занято другим.

— Пока не занято, а там — посмотрим,— загадочно улыбнулась Анюта.

Весну и лето они провели вместе. Артем купил мотоцикл и в свободное от службы время регулярно заглядывал в поселок. Они колесили по проселочным дорогам, купались в реке, загорали, говорили о любви. А осенью сыграли свадьбу.

Артем предложил Анюте переехать в военный городок, но она настояла, чтобы жили в ее поселке. «Мама уезжает в город к моей старшей сестре нянчить малышкой, а нас слезно просит не покидать родительский дом»,— убеждала мужа Анюта. Артем уступил и не пожалел об этом. Ему пришлась по душе сельская жизнь — вековые деревья, простор, река, лес. Можно рыбачить, заниматься тихой охотой. А Анюте здесь все было до боли родное: с малых лет жила в окружении полей и лесов, помогала матери на ферме, занималась домашним хозяйством.

Молодые быстро обжились, завели живность. Анюта перевелась на заочное отделение техникума, устроилась продавцом в поселковый магазин.

Соседями Азаровых были старики Герасины. Вскоре они переехали в город, а свой домишко оставили внучке, Анютиной школьной подруге Даше Купреевой, выскочившей замуж за разбитного местного красавца Игоря Колесникова.

— Анют, я так рада, что мы стали соседями. Будем с тобой как сестры, поддерживать друг друга, выручать в трудную минуту,— с радостью говорила подруге Даша.— После смерти мамы не только не с кем поделиться сокровенным, но и словом перемолвиться.

Анюта и Даша сошлись настолько, что друг без друга не могли прожить ни дня. Как встретятся утром у колодца, так расстаться не могут, пока не обговорят все посел-

ковые новости. Анюта изредка заглядывала к подруге, помогала Даше присматривать за малышом, которому исполнился годик. Ждала, что скоро появится свой первенец, но пока у них с Артемом ничего не получалось, о чем Анюта очень печалилась.

Муж Даши работал в местном лесничестве. Часто выпивал с друзьями — обмывали аванс, получку, удачную сделку. И незаметно пристрастился к спиртному. К концу рабочего дня Колесников загружался под завязку, а в пьяном угаре был агрессивен.

Даша долго скрывала от подруги попойки мужа и семейные скандалы на этой почве, пока однажды вечером Анюта не услышала дикие крики возле дома соседки. А поутру, встретившись с Дашей у колодца, заметила под глазом подруги лиловый синяк, который та прятала под спущенным платком.

— Что случилось, Даша? — поинтересовалась Анюта.

Даша заплакала.

— Последнее время Игорь пьет безбожно, а потом устраивает скандалы, обвиняя меня во всех грехах. А вчера руку поднял... Не знаю, что с ним происходит, будто бес в него вселился. Боюсь оставаться с пьяным...

— Господи, да что же это такое?! Семейная жизнь только начинается, сыночек маленький. О чем он только думает?! Семью на водку променял, — посочувствовала подруге Анюта. — Будет скандалить, бросаться на тебя с кулаками, хватай Стасика и беги к нам. Мы в обиду не дадим.

Не прошло и недели, как поздним осенним вечером во дворе дома Азаровых залаяла собака. Анюта выглянула в окно и в свете уличного фонаря увидела подругу. Анюта поспешила на веранду, открыла дверь. У крыльца стояла Даша. Без пальто, волосы растрепаны, с синешкой на руках.

— Игорь вновь явился пьяный, бушует, громит все, что попадает под руку, угрожает расправой, — выпалила Даша, — еле вырвалась...

— Входи быстрее. Вот беда-то... — обняла подругу за плечи Анюта. — Он что, озверел совсем, даже ребенка не щадит?!

Даша весь вечер плакала, рассказывая о зверствах пьяного мужа. Около полуночи хотела разбудить сына и уйти.

— Оставайся на ночь. Не рискуй и сына не мучай, — предложила Анюта.

Рано утром Даша тихонько собрала ребенка и ушла. Когда дверь за ней закрылась, Артем сказал Анюте:

— Зря ты оставила ее на ночь. Посидела бы часок-другой, пока Игорь утомонится, и ушла бы.

— Тема, как ты можешь такое говорить? — возмутилась Анюта. — Неужели ты не сочувствуешь моей бедной подруге, с малым дитем на руках? Мало ли что может натворить по пьяни этот деспот?!

— Я о том, что не надо приучать, а то чуть что, будет бежать к нам...

— Даша бежит, когда невмоготу — спасает себя и ребенка. И мы обязаны ей помочь, — обиженно надула губы Анюта. — Она моя лучшая подруга...

— Ну, как знаешь, — сказал Артем. — Тебе виднее.

Той осенью и зимой Даша еще несколько раз обращалась к Азаровым за помощью. Однажды прибежала босая, в одной легкой кофточке, с окровавленным лицом. Анюта обработала ей раны и ссадины, согрела ее и ребенка, напоила горячим малиновым чаем, поплакала вместе с подругой и уложила гостей спать.

Поутру, провожая подругу, сказала ей:

— Как ты можешь прощать Игорю такое зверство?! Уходи от него, пока цела сама и сын. Игорь уже неисправим. Ты заслуживаешь лучшей доли.

А по весне в семье Колесниковых случилось горе. Теплым апрельским вечером друзья-собутельники привезли Игоря домой мертвецки пьяным, затащили в избу,

уложили на диван. Утром Даша как обычно стала будить мужа на работу, но он не подавал признаков жизни.

Даша плакала, убивалась по мужу, а потом замкнулась, отгородилась ото всех. Анюта все понимала, сочувствовала подруге, но в душу не лезла.

Так прошел год. А потом случилось то, что Анюта не могла представить себе даже в самом дурном сне. Как-то придя домой, она застала мужа в странном состоянии. Артем сидел на диване, обхватив голову руками. У его ног стояла большая сумка-баул, набитая вещами. Анюта растерялась, нерешительно спросила:

— Что случилось, Тема?

Артем долго молчал. Наконец, вздохнул и, не поднимая глаз, произнес:

— Анют, прости меня, если можешь. Я ухожу к Даше. Ей сейчас очень трудно. Ты проживешь одна. Ты сильная...

Анюта не закатила истерики, не стала упрекать и уговаривать мужа. Она присела на диван и тихонько спросила:

— А Даша примет тебя?

— Примет. Мы любим друг друга...

— Тогда иди...— выдавила из себя Анюта.

Она страдала ужасно, но не подавала виду. По ночам плакала в подушку и по-прежнему сильно любила Артема. На Дашу зла не держала, не считала ее разлучницей, но всячески избегала встречи с ней: смущалась, не знала, что ей сказать.

Вскоре Даша забеременела и родила сына. В поселке говорили, что сын Даши Павлик очень похож на Артема. Анюта не спала ночами, сильно переживала. «Оказывается, по моей вине мы с Артемом были бездетными. Поэтому он и ушел к Даше»,— думала она.

Когда мальчик подрос и стал играть во дворе со старшим братом, Анюта сама убедилась, что Павлик действительно очень похож на Артема: темные вьющиеся волосы, карие глаза, ямочка на подбородке. Возвращаясь из магазина, она угощала соседских мальчишек сладостями. Маленький Павлик, принимая угощения, улыбался в ответ до боли знакомой ей улыбкой.

Как-то ранним весенним утром, когда Анюта возилась во дворе со своей живностью, Артем с сыновьями заглянул к ней, поздоровался, присел на чурбан и нерешительно попросил:

— Анют, выручи ради Бога — посмотри за ребятами. Даша заболела. Ее направляют в областную больницу. Мне надо отвезти ее.

— Оставляй. У меня сегодня выходной. За детей не беспокойтесь...

Артем вернулся в конце дня. Усталый, почерневший. Сыновья бросились к нему, стали обнимать. Когда вышли во двор, Артем закурил и дрожащим голосом сказал:

— Спасибо тебе, Анют, что не затаила обиду. Светлая у тебя душа... Даша плохо чувствует себя. Положили на обследование. Боюсь, что может покинуть нас,— посмотрел он с нескрываемой тревогой на сыновей...

Через месяц Артем привез Дашу домой. Болела она тяжело, буквально таяла на глазах. Артем обратился за помощью к Анюте.

— Даше назначили сильные уколы. Я не могу их ставить. Помоги, пожалуйста. Вся надежда только на тебя.

Анюта не узнала подругу: от бывлой цветущей пышки осталась лишь мрачная тень. Только глаза небесного цвета светились в глубоких впадинах. Анюта поздоровалась, осторожно присела на кровать.

— Спасибо, подруга, что откликнулась на просьбу,— тихо, с большим усилием, произнесла Даша.— Я очень виновата перед тобой, и Господь наказал меня за мои грехи. Сама не знаю, как все случилось. Однажды, когда ты отлучилась куда-то, Артем подлез, приласкал меня, и я не смогла устоять... Прости меня,— заплакала Да-

ша.— Если бы я могла, стала бы перед тобой на колени, молила бы о пощаде. Хотя я знаю, что ты добрая душа и давно простила... Анют, милая, Артем любит тебя, вернется к тебе. Об одном прошу — не обижай сыновей. Я вижу, как они тянутся к тебе.

Анюта крепилась, но не могла сдержать слез. Однако быстро взяла себя в руки, обняла подругу, поцеловала.

— Не казни себя, Даша. Виноваты мы все. Видно, нам надо было пройти через это, пережить, осмыслить, оценить. На роду было написано...

Даша умерла той же весной, звенящим и поющим майским днем. Буйно цвела черемуха. Белой кипенью были укрыты сады. Когда гроб опускали в могилу, Артем заплакал. Заплакали и дети. Плакала и Анюта.

После похорон поселковые жители на каждом углу судачили, что у Артема только один исход — вернуться к Анюте. Но возьмет ли она его назад, простит ли старую обиду — это большой вопрос. Те же, кто хорошо знал Анюту, утверждали, что она давно простила Артема. Еще при жизни Дарьи нередко выручала их семью, присматривала за ребятами, а потом, когда Даша заболела, ухаживала за ней, делала уколы, мыла и кормила.

Однажды у магазина Анюта услышала разговор двух женщин. Одна из них, примеряя ее ситуацию на себя, призналась, что не смогла бы поступить так, как поступила Анюта. «Ни за что не простила бы ни подруге-разлучнице, ни мужу-изменнику». Другая сказала: «На такое способен только человек большой души, любящий сильно, бескорыстно, для которого счастье любимого превышает личного. Может, это и есть настоящая любовь, о которой нам неизвестно...»

Оставшись вдовцом, Артем все чаще обращался к Анюте за помощью. То за сыновьями надо было присмотреть, то за домом, то за огородом. Ребята так привыкли к Анюте, что с радостью бежали к ней, когда отец отлучался по делам службы. И сам Артем старался помочь Анюте: то дров заготовить, то сена накосить, то крышу починить.

А осенью, когда ушло тепло и зачастили дожди, Артем пришел с сыновьями к Анюте и сказал:

— Анна Максимовна, мы пришли к тебе совсем. Не прогоняй нас. Зимой нам будет холодно в одиночку...

Анюта сидела на диване, хотела привстать, но ноги вдруг стали тяжелыми, будто чужими. Ребята подошли к ней, стали ласкаться. Анюта обняла их, дала волю слезам.

— Сыночки мои милые! — только и смогла произнести она...

...Из воспоминаний Анюту вывели крики взмывающих в небо журавлей. Она встала из копы и, как в детстве, помахала журавлям рукой. Глянув в сторону дома, увидела, как по полю к ней бегут дети.

— Что случилось, мои милые? — бросилась она им навстречу.

— Мама, мы тебя везде ищем, — обрадовался Стасик.

— Родные мои, вы так легко одеты, бежим домой! А папа где?

— Он готовит завтрак, — доложил Павлик и немного замялся. А потом, тихонько спросил:

— Мама, правда, что аист весной принесет нам сестричку?

— Правда, — улыбнулась Анюта и посмотрела на старшего сына. Тот кинул взгляд на ее округлившийся живот и тоже улыбнулся.

— А как мы ее назовем? — спросил Павлик.

— Дашенькой, — взволнованно ответила Анюта.

У крыльца дома под развесистой яблоней стоял Артем. Заметив жену и детей, идущих по полю взявшись за руки, улыбнулся и поспешил им навстречу.

За полем догорала алая заря. Зарождался новый благодатный день.

Игорь Белкин-Ханадеев
(г. Москва)

НИМФА

Родился в 1972 году в Москве в семье военнослужащего. В девяностые годы после службы в армии работал грузчиком, охранником, продавцом книг, внештатным корреспондентом в газетах, менеджером в коммерческих структурах. Учился на факультете истории искусства РГГУ, пробовал себя в литературе и живописи.

Поэтические подборки и эссе были опубликованы в газетах «Комсомолец Заполярья», «Столичная ярмарка», журналах «Пограничник» и «Смена», ряде альманахов. С 2002—2003 годов посвятил себя изобразительному искусству, работая в самобытной манере в технике масляной живописи. Участвовал в ряде московских, областных и международных выставок. В 2016 году неожиданно вернулся к литературному творчеству и дебютировал в прозе повестью «Петли для рябчиков», которая была опубликована в сетевой версии газеты «День литературы». Рассказы публиковались в журналах «Молоко», «Камертон», «Клаузура», «Новая литература», «Русская жизнь», «Парус».

Август на исходе. Еще месяц-другой, и облетит клен, который, распускаясь по весне, семь лет подряд загораживает вид из Володиного окна на исторический центр. К концу октября уже чьему-нибудь новому взгляду откроется россыпь золоченых монастырских куполов и на холме — остатки белокаменного детинца семнадцатого века: два фрагмента старой стены. Половину кремля разобрали в тридцатые годы на нужды метростроя и вывезли в столицу, а остальное растащил на камни частный сектор уже в девяностые. Нынешние домики, облепившие холм до самого верха, не чета средневековым посадским клетям-лачугам, что Володя видел на макете в краеведческом музее — теперь все больше в ходу кирпич и сайдинг. Сейчас удачливые хозяева, будто соревнуясь, перекрывают крыши черепицей и монтируют спутниковые тарелки — целое «радарное» поле белеет на северном склоне... Река под холмом обмелела, заросла палмой и ольшаником.

Вид портят грязные, крест-накрест, полосы на окне. Когда в том году в июне был ураган, тот клен, что растет у подъезда, исхудалой угловатой веткой разбил внешнее стекло. Володя наспех прихватил крупные осколки скотчем, надеясь, что мера временная пока не закажет стекольщику новое. Не сбылось. Прозрачная лента потемнела, истрепалась, а осколки ходят ходуном и почти что поют на ветру, звякая друг о друга... Иногда ночью кленовая ветка, виновато похлестывая по увечному окну, нудно просится внутрь...

Володя живет, а точнее, доживает оставшиеся ему две недели в пятиэтажном доме постройки тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Фасад с барельефной датой и часами на башенке-обманке отреставрирован и, умытый дождем, смотрит на вычи-

ценную площадь, но из комнаты эту часть города не видно — окно, полузакрытое кленом, выходит на другую сторону. Задний двор — неубранный, нехожий — срывается книзу в овраг рыжими промоинами дороги, убогими коробками гаражей, послевоенных кладовых и сараек. Ниже заросли и речка, за которыми подъем в кремлевскую гору, удобренную костями татар и русичей, бившихся на этом склоне одни с другими в достопамятные времена. И на костях, как на сваях, закрепился, мертвой хваткой цепляясь в холм, новый частный сектор.

Комната в коммуналке в доме с часами была Володиной единственной недвижимостью. Третий этаж, квартира пятнадцать дробь два. Площадь имени величайшего вождя или злодея — это кому как больше нравится, а Володе уже и не важно. Дом двадцать пять и тоже с дробью. Это его последний городской адрес. Рядом, в центре площади, фигура в два человеческих роста держит в чугунной руке свернутую в трубу литую бумагу — скорее всего, по задумке скульптора, это декрет о земле.

Подъезд темный, пропахший сыростью из подвала, кажется уже совсем чужим и то ли приветствует, то ли провожает Володю парой взметнувшихся по лестничному пролету котов и паутиной на облезлых стенах.

Сделка состоялась в середине августа, и по договору ему позволили еще немного пожить здесь, пока он не переведет деньги в соседнюю область. Как странно: тамошние люди продают дом в тихой, почти не тронутой цивилизацией деревне, чтобы уехать в районный центр и ютиться, как это делал Володя последние семь лет, в какой-нибудь четырнадцатиметровке, а он, оставляя эти прожитые годы на память дальнему подмосковному городку, уезжает в лесную глушь.

Ксюша ему не нравилась ни в последнюю их встречу, чуть менее полугода назад, когда она, со скандалом вырвавшись из родительского дома, почти что по первому свистку приехала к нему на майские праздники, ни тогда, еще в другой жизни, в Москве. Нет, она в целом была «ничего», особенно если не вглядываться и не привередничать, как это раньше любил делать Володя. В Ксении даже присутствовало что-то такое, от чего наутро, после дня, проведенного вместе в кино или на выставке, на качелях в Нескучном саду или на прогулке по набережным все ее маленькие недостатки мнились вдруг шармом, изюминкой, признаком редкой, на ценителя с изысканным вкусом, породистой красоты. Но при ближайшем рассмотрении, едва они встречались вновь, его взгляд становился критичным, беспощадным, въедливым: взгляд перфекциониста, взгляд-микроскоп, Володя досадовал на разные мелочи, которые нудными занозами начинали саднить в эстетствующей душе, рушили идеал, рвали в клочья сотворенный за ночь канон. Иногда в метро, когда они стояли, держась с ней за руки, на них посматривали другие молодые люди — скользнут глазами по девушке, присмотрятся, оценят всю целиком и, отводя охватистый озорной взор, улыбнутся кавалеру сочувственно: «Ну-ну! Не повезло тебе, мужчина, с пассией! Не пара вы с ней!» И Володя отмахивался от странных мыслей: а вдруг эта полная сил молодежь своим сочувствием имела в виду как раз обратное, что молодая, оригинальная, яркая, но, увы, не красавица искусствовед Ксюша и он, не успевший еще повзрослеть до зрелого мужчины, но уже скучный стареющий реставратор Володя, и есть идеальная пара? А Ксения, прислонясь к поручням возле вагонных дверей, бывало, потупится как-то скорбно, печально, улыбка углами вниз, думая, что у нее, наконец, любовь. Володя проникается, и жалко ее до безумия, потому что глаза у нее печальные, медово-шоколадных оттенков, и вроде красивы сами по себе, но слишком близко посажены к тонкому, длинноватому для ее лица носу, и шикарная вишнево-золотая коса ниже талии лишь подчеркивает, что дюже широки бедра, и зубы далеко не жемчуг, грудь маловата, а талии, глянешь, и вовсе нет. Ксюша яркая — этого не

отнять, даже позировала, как она говорит, какому-то живописцу для «Речной нимфы» в итальянском стиле, но Володя недоумевал: уж какая тут может быть нимфа с розовыми ушами, с розовой кожей у корней волос и розовыми кляксовыми пятнами по всему телу — от малейшего волнения, расстройства, стыда, желания... А вдруг ничего лучшего, более соответствующего его тонкому художественному вкусу он уже и не найдет? Вдруг Ксюша — его крест — вдруг она, как он подумал, хороня себя в ее скорбной улыбке, его последний причал? Ведь когда еще только они стали встречаться и изредка ночевать друг у друга, ему уже было тридцать девять, а ей едва исполнилось двадцать шесть девичьих, невинных лет, и ее родители восприняли весть о «престарелом» друге дочери в штыки.

— Старый. Профессия грязная, будешь ходить вечно перепачканная в его красках! — мама любила чистоту, опрятность, гигиену.

— Надеюсь, это не всерьез? Ну не замуж же за такого? — папа мечтал совсем о другой партии для своей «принцессы».

И когда Володя лишился своей московской квартиры, поселившись в области, Ксении запретили даже думать о нем:

— В провинции грязь, тараканы, антисанитария — мы же знаем, мы ведь жили...

Раньше он приводил ее в свою громадную трешку на Алексеевской и медленно покорял своей интеллигентской неспешностью, за которой скрывалась робость, своей старомодностью, своим собранием этюдов девятнадцатого века.

Чем же зацепила его она? Невинностью? Непроявленным, постоянно ускользающим шармом, которого, приглядеться, и не было никакого в помине? Может быть, общими с ним, как казалось на первый взгляд, интересами? Или, неужто, как любого среднего твердолобого самца, своей некрасивой яркостью? Так чем же?

Володя в ту пору консультировал в аукционном доме, выполнял на заказ поновления, готовил живописные лоты к торгам, чтобы все блестело стариной, тайной, временем, смотрелось солидно и дорого. Таким же дорогим и чинным выглядел интерьер Володиной квартиры на проспекте Мира в сталинском доме, так же солидно смотрелся и он сам — в черной водолазке, немецком сюртуке и при серебряных часах на цепочке.

А Ксюша долго, вдумчиво и талантливо писала диплом.

...Слишком сильно все изменилось с тех пор: который год он жил в коммуналке без малого в сотне километров от столицы, в захудалом районном городишке, даром, что со славной древней историей. И ходил потеряннным, махнувшим на себя рукой неряхой — грязные штаны да лоснящаяся от старости куртка. Раньше для таких, как он было в ходу меткое слово «бич» — бывший интеллигентный человек. И яркая Ксюша теперь любила его только на расстоянии.

Комната изначально числилась за Павлухой — Леней Павловым из городской наглой братвы. Эта банда и забрала у Володи ту самую наследную московскую трешку, в которой реставратору покорилась после долгих ухаживаний Ксения. Бригада в лихие годы так разошлась в криминальном раже, что городка и окрестностей ей стало мало, братва начала «дерзить» в первопрестольной и даже, мало что соображая в новой для себя сфере, умудрилась дебютировать в антикварных делах.

Володе позвонил человек, по голосу приблатненный, в интонациях за деланной распальцовкой читалась неуверенность дилетанта, влезшего со свиным рылом в калашный ряд.

— Есть икона. Семнадцатый век. Надо отреставрировать. Это подарок серьезно-му человеку — дань, так сказать, уважения.

Володя хорошо понимал, откуда у людей с такими голосами берутся иконы семнадцатого века, и хотел было положить трубку, но названная сумма гонорара заставила обратить на себя внимание и уточнить детали:

— Иконография?

Кажется, его не поняли, и вопрос пришлось подкорректировать:

— Сюжет? Что изображено?

— А-а... — наконец, сообразил человек, — женщина с ребенком...

Володя взялся. Даже, увидев Богородицу воочию, был восхищен тем, что ему повезло прикоснуться кисти к явно алтарному намоленному веками образу.

Он сделал все на совесть и в срок, отдал работу, и Павлуха, просияв, щедро расплатился.

А вскоре Ленкина братва жестоко избила реставратора в подъезде: дескать, отданная после трудов икона — новодел, а Володя якобы подменил ею оригинал, оставив бесценный шедевр себе. Кто именно его «кинул» — сам Павлуха или «серьезные люди» — Володя так и не узнал. Его поставили на «счетчик», съевший за считанные недели гонорар, коллекцию этюдов, накопления и квартиру. Павлуха, подумав, что хороший мастер еще может пригодиться, без крыши над головой одинокого реставратора не оставил и в обмен на московскую квартиру отдал ему свою областную комнатуху, которой и сам владел недавно.

С тех пор минуло несколько лет, Павлуха не появлялся, поначалу иногда звонил, так, поговорить за жизнь с человеком искусства, с которым свела Божья мать Казанская, узнать, чем «терпила» живет-дышит, лишний раз подпугнуть для остроты... А потом пропал после того, как сообщил, что продал бывшую Володину недвижимость солидным и опасным людям. Позже был слух, что Павлов отбывает срок, еще болтали, что его застрелили свои или конкуренты, но никто не проверял...

— Твой Павлуха полный отморозок! — когда-то предупреждала мощно сложенная соседка Людмила из комнаты дробь один. — Если ты той же породы, то учти — отмутужу и сожгу вместе с домом! Мне этой коммунальной халупы не жалко. Все равно жизнь в ней не мила. Я самбистка, закалка у меня старая, советская, себя в обиду не дам!

Но Володина порода была совсем другая, настолько до робости интеллигентная, что даже на кухню он старался не ходить, когда там, наглухо перегородив квадратным станом все подходы к плите и раковине, гремела шкворчащими кастрюлями баба-богатырь.

— Людмила, а кто здесь раньше жил, до Павлова? — пытался он выяснять время от времени.

— Ой, и не спрашивай, — зло отмахивалась соседка. — Что до Павлова грязь и вонь, что с Павловым. Раньше ацетоном тянуло и в краске все ходили, а как Ленка въехал, блат-хату тут устроил явочную, сам редко являлся — деловой, все в Москве пропадал, а здесь... То шпана с пистолетами живет, то бабы голые в мою ванну мыться лезут. Ор, пьянки... Тьфу, толчок хлоркой после них чистила каждый раз, вдруг больные? Это я, я всю сантехнику нашла и приволокла на своем горбу! Сама! Леня ни копейки не дал. Ну, это ж надо, в моей ванной — шмавы бандитские!

Словно дойдя до кипения вместе со своим супом, Людмила потихоньку остывала, выключала газ в плите, шваркала шумовку в раковину и туда же гадливо сплевывала. И успокоившись после очередной волны дурных воспоминаний о Ленке, вдруг принималась плакаться:

— Я ведь дом в поселке продала, в совхозе бывшем, чтоб комнату эту купить, двадцать километров отсюда... Там ни газа, конечно, ни водопровода — топи дровами или углем, но... жалею теперь. Думала, в городе поденжнее будет да полегче, а то на то, и выходит. Ты спрашивал, отвечу: художник тут жил до Ленки, вроде тебя, старый только совсем. Рассеянный. Я прежнюю раковину никак забыть не могу, вся была краской загажена, кисти в ней мыл, здесь, на кухне. Ты вот аккуратно за собой моешь, даже не скажешь по тебе, что художник...

— Да я и не художник,— ответил в тот день Володя,— реставратор...

— А лаками все равно пахнет,— не преминула соседка вернуть намек.

Вселяясь, никаких живописных следов в комнате он не застал. Павлуха, понятное дело, затеял косметический ремонт после того старика, не любоваться же «бандитским шмарам» на чужие муки творчества...

— А как его фамилия была, этого художника?

— Зотов. Известный он,— помолчав, отозвалась Людмила.

— Зотов?!

Володя бывал в местном краеведческом музее, видел образцы его этюдов: самобытно, и манеру не спутать ни с чьей другой! И когда-то в Москве на аукционе промелькнули редкими и жутко дорогими лотами зотовские выпукло-барельефные вещицы из ранних, в массивных резных рамах, крашенных под бронзу. Так старик писал и оформлял свои работы, чтобы в итоге получался не легкий гладкий образ, а тяжелая зримая картина-вещь — весомая, скульптурная, основательная.

Людмила промышляла помойками — уходила вечерами с тележкой и обшаривала, где баки, где кучи, в поисках цветных металлов: медных катушек, плат, алюминевого лома. Часто в сумерках возле домов можно было услышать ее басовитый клич, которого боялись окрестные бомжи:

— Я самбистка! Мне все равно! Жизнь моя и так насмарку! Пришибу, не поморщусь! Моя территория!

Временами одного из той рвани, которую прогоняла от мусорных баков, крещеного татарина по имени Дамир-Иван, Людмила брала домой. Отмывала тоже чуть ли не в хлорке, как после «шмар» унитаза, и оставляла, грустного и трезвого жить с собой до тех пор, пока мужика не одолевала тоска, и он не сбегал от благотельницы на неприятную холодную волю. Татарин Дамир был половинным и внешность имел такую же, как и большая часть рязанских, тульских да калужских мужиков: сивые лохмы и серые глаза с косоватым, когда смех растягивал скулы вширь, прищуром. Ночами Володе было неприятно слышать за стенкой возбужденный соседкин шепот, когда под мерный скрип койки она, невзирая на Дамиров православный крест, низким голосом называла мужика: «Мой басурман!» и всхлипывала от приступа внезапного счастья.

С помойки она притащила к себе не только сожителя, но и всю комнатную обстановку, которую регулярно обновляла, заражая всю квартиру оживающей от тепла и человеческого духа клоповьей молодью. Мелкие прозрачные твари бегали, словно через стены, селились в Володиных шкафу, диване и ночами не давали спать. В санэпидстанции сказали, что у молодежи есть специальное название — нимфа, и очень удивились внезапному Володиному смеху. Комнату приходилось несколько раз протравливать, пока до Люды не дошло, что от добра, добра не ищут, и мебель с коврами у нее и так хорошие, других не надо.

За окном поредела кленовая крона, на горизонте, за кремлевским холмом, стал виден монастырь. В щетине строительных лесов — проблески свежей позолоты. Поновляли, старались успеть к очередному Покрову. Володю изредка посещали мысли о послушничестве, однажды, на пике религиозного вдохновения, он собрался было идти беседовать с настоятелем, но по дороге его облаяла собака, а у монастырских ворот обматерила юродивая, и он не рискнул. К тому же, воспоминания о Москве не давали покоя, сподвигали непременно выстоять в миру, манили вернуться в азартное чрево большого города.

Однажды Дамир после очередной вольницы оказался снова в их коммунальной квартире: был уже прощен, вымыт в жарком пару и чистил на кухне картошку. Вечерело. Людмилы не было — ушла, видно, на промысел.

— Иван, я давно хотел вас спросить...— осторожно начал Володя, тщательно промывая под струей воды тончайшую колонковую кисть.

— Лучше — Дамир,— подавленно поправил татарин и тихо спросил: — а выпить нету? Мне чуть-чуть, чтобы выветрилось до прихода Людмилы...

— Есть. Как раз чуть-чуть.

Володя принес бутылочку с настойкой и плеснул в стакан.

— Дамир, так вот...

— Теперь можно — Иван,— сипло оборвал собеседник, занюхал горькую жидкость желтой сырой картофелиной и, откусив кусочек, упокоенно захрустел.

— Вы давно живете в городе? — Володя решил задавать вопросы прямо, поняв, что имеет дело с человеком простым и открытым.

— Да я родился тут. Все меня знают, каждая собака,— охотно отозвался Дамир-Ваня, и залюбовался пятнами на потолке, под которым покачивалась и весело жужжала уютная пыльная лампочка.

— И вы знаете всех?

— Да мно-огих...

— И художника, который здесь жил раньше? В моей комнате, еще до Павлухи?

— Зотова, что ли? Конечно, знаю,— с легкостью сказал татарин, потом нервно повел носом, шмыгнул и поправился,— знал.

Володя вдруг пожалел о том, что разговор этот не состоялся раньше, что он в глубине души Дамира презирал и сторонился этого бесхитростного человека, столь униженного властной бабой и жизнью. А следовало бы не задирать нос, лучше относиться к людям и не гнушаться теми, кто потерял себя в последние десятилетия. Сам-то он, чем лучше? Вышло так, что он все эти годы жил в этом райцентре гордым отшельником, и кому принес этим радость, кого осчастливил?

— И что с ним?

— Умер. Давно. Родня какая-то дальняя комнату сразу на торги выставила. А Павлуха купил. Посадили Леньку за какую-то ерунду, слышал, наверно? Ну, говорят, выйдет скоро по УДО. На рынке народ судачит.

Собеседники помолчали немного. Володя задумчиво слушал лампочку. Потом Дамир отглотнул еще.

— А Зотов старик чудной был.

Кстати, на барахолке сейчас его картину продают... Деревенский пейзаж, исторический. Володь, ты это... Сам-то выпей... Нет?

А Володя молчал и в тревожном мерцании кухонного света изводил себя насущными вопросами: «Неизвестно, на что бандита Павлова сподвигнет тюрьма: вдруг решит остепениться? Где он надумает жить, когда выйдет на свободу, в какой из своих многих хат? Остались ли они у него? Выйдет по УДО, а квартиру мою бывшую продал. Куда пойдет теперь? Сюда? А куда я? Надо что-то решать. Да и в Москву пора возвращаться, нагостился уже на сто первом километре. Вот только как вернуться? Жениться? О-ох... Позвонить надо, позвонить Ксюше, если еще не выдали ее замуж привередливые родители, кому же еще...

Барахолка вытянулась вдоль полукилометрового железного ангара, в который, как городская речка в трубу, был закован прежде широкий и бурливый поток местного вещевого рынка. Народ, пройдя до конца по тесному руслу, накупив тряпок, модных, новых, актуальных, выходил на свет божий и расслабленно возвращался назад по широкой тенистой аллее. На всем ее протяжении, под деревьями, росшими напротив жестяной гофрированной стены рынка, сидели, стояли, переминались поодиночке, группами, иногда под гармонь или песню, кто с чем, продавцы старых вещей. Торговали, в основном, пенсионеры, нищая братия и проходимцы — скарбом из до-

ма: вязаными носочками, зачитанными книжками, чем-нибудь с помойки, что мнилось востребованным и сулящим барыш. И особняком, с осознанием своего права здесь находиться, того права, которое дает утонченный товар и связи, стояло хорошо одетое жулье со всей той предметной мозаикой старинного быта, которую называют антиквариатом.

У них, у жучков-антикварщиков, хорошо зная подноготную их ремесла, Володя и нашел замшелую, пыльную от скитаний зотовскую картину-этуд «Русь небывалая», тускло подписанную с обратной стороны — «Зотов. Пленэр в деревне Заречье, Тверская область». Торгуясь, жулики упирали на оформление. «Одна рама чего стоит!», — сказал очкарик в черном кителе, с усиками, стриженными под австрийского ефрейтора начала века. — Ну, музейная ведь рама! Сам же понимаешь! Третьяковка отдыхает!»

Потом продавец что-то уронил и торопливо нагнулся — оказалось, собрать с земли рассыпавшиеся веером открытки. С факсимильных карточек глядел все тот же образ бесноватого австрияка — в солдатской шинели, в штатском, наконец, во френче и надвинутой на рачьи глаза фуражке «седлом». Поклонник чужого фюрера казался испуганным, будто его поймали за каким-то очень срамным, всеми поругаемым делом. А Володя был рад и невежеству продавца, и его страху, рад, что, сосредоточившись на своих открытках и достоинствах тяжелой рамы, самое ценное — работу тихого провинциального гения Зотова, теперь уступят ему задешево.

На полотне была изображена деревня, каких до сих пор реставратор воочию не видел, северной планировки дворы, избы с резными коньками и причелинами, колodцы-журавли... По очертаниям натуры, по тому восхищению, с которым, чувствовалось, автор ухватил и набросал пейзажную и архитектурную канву, наметанному Володиному глазу стало ясно, что деревня существует на самом деле и она вовсе не вымысел, а такова и есть в реальности, какой ее передал на холсте художник. От пейзажа веяло той изначальной, неведомой уже, лишь в сказках сказываемой дохристианской, домонгольской и даже докняжеской Русью, которую нигде больше не увидеть ни в городах и пригородах, ни в селах, ни в кино. И четыре фигуры, вписанные в пейзаж, в белых льняных рубахах, подпоясанные кушаками, были небрежно набросаны со спины: как бы уходят крестьяне не то на общинные работы в поле, не то и вовсе долой из истории.

Был дождливый сентябрь, снаружи кирпичную кладку дома косо заливало студеной моросью. Стены пятиэтажки, возведенной еще в пылу индустриализации двадцатых годов, за последующие восемьдесят лет состарились и теперь впитывали влагу, словно песок после засухи. К ранним холодам засуетились коммунальщики. Воду, пока еще стылую, подали внутрь, в проржавевшие трубы, и комнатные батареи отопления уже неделю плакали конденсатом в черную плесень половиц. Не лучшее место для исторического пейзажа кисти хорошего мастера, но другого помещения у Володи не водилось, да и из этого, того и гляди, каким-нибудь криминальным способом его выкурят, когда выйдет из тюрьмы, бандит Павлуха.

Полотно с деревней, с рекой и небом, уходящими книзу иверху в тяжелое подрамье, висело теперь на гвозде, который хозяин с легкостью вбил, даже, как самому показалось, вдавил в сырую рыхлую стену, отделявшую комнату от слякотного внешнего мира. Выдержат ли гвоздь и волглая кирпичная крошка такую тяжесть? Рама деревянная, с фигурными гипсовыми накладками, крашенная под бронзу, и сам холст, со многими слоями густых масляных наляпов — все вместе тянуло килограммов на десять. Пейзаж за годы скитаний по барахолкам, вернисажам, чуланам, квартирам и гаражам пропах плесенью, нафталином, пихтовым лаком, табаком и клопами. Как, впрочем, пропах всем этим за века и приросший бараками, промзонами, многоэтажками — кирпичными, бетонными, промышленными — издревле мона-

стырский и ратный город. Теперь выдавший виды холст форматом полметра на метр, наконец, попал в умелые руки, и Володя счел своим долгом спасти шедевр, вернуть ему первоначальный лоск. Сделает это, и останется позади череда промежуточных владельцев: мелких антикваров, агентов, перекупщиков, старьевщиков и горе-ценителей, отчистятся пятна гаражного мазута и грибка. Работа заиграет, наберет глубину, перспективу, цвет, обретет достойное место в какой-нибудь частной коллекции. Вопрос, остались ли у Володи связи в Москве, найдется ли, кому и как предложить спасенное творение? И снова, как мантру, он повторял: «Позвонить, позвонить Ксюше. Она же искусствовед, может, возьмется, подскажет, кого заинтересовать, напишет статью... Позвонить и пригласить ее приехать, в конце концов! Хотя на Новый год... Только захочет ли она с ним знаться после такого перерыва?»

К новогодним праздникам Володя закончил реставрацию пейзажа с общинной деревней и, гордясь работой, ждал в гости из Москвы Ксению, свою давнюю любовь-привязанность, с которой развела когда-то судьба. Коммунальщики наконец-то заработали как надо — к батарее не прикоснуться, в комнате стало тепло и сухо. Молодую подругу, значительно моложе его, все еще яркую и с той же толстой, ниже пояса, тугой вишневою косой, на Новый год не отпустили родители, она вырвалась лишь к Первомаю, приехала, улыбаясь по-прежнему грустно и влюбленно, но в глазах затаилось сомнение. Правильно ли она поступила что, хоть и выдержав паузу приличия, но все же сдернулась с места, ждала на вокзале, почти два часа тряслась на отвратительных жестких лавках вагона? Она нарушила родительский запрет. Пара они все-таки — искусствовед и реставратор, или все это лишь долгий морочный нелепый самообман? В настороженной задумчивости осталась ночевать вместе с суженым на узком раскладном диване.

Но сна не получилось — всю ночь москвичку кусала маленькая белесая очень верткая тварь, которую с трудом увидели, а изловить так и не смогли — клоп спрятался на стене в старой зотовской картине, между холстом и рамой. Ксюша дрожала, всхлипывала, теряла голос от жути, которой, мгновенно ее отрезвив, обернулась реальность. Невероятно: как ее Володя мог так низко пасть — постель кишит насекомыми! Как он, все-таки, постарел и опустил за эти годы! Для кого она берегла себя все это время, тешась пустыми надеждами: поживет, поднимется, вернется в столицу на белом коне. А мама была, оказывается, права... Старый, грязный...

— Это нимфы! — пытался объяснить он. — Нимфы, понимаешь? Людка, наверно, притащила...

И он снова, на этот раз нелепо и невесело, захохотал. А гостя заплакала.

Утром, еще затемно, Володя взглянул на Ксюшу, на общинных крестьян, поблескивающих свежей краской, и принял решение: в любом случае, все уже в прошлом — он едет в заветную деревню Заречье в Тверскую область, где наобум, по объявлению в газете, даже не взглянув, купит старый дом с участком. И в этом доме, в красном углу, будет висеть зотовская картина «Русь небывалая». Этим же утром на первой электричке печальная, злая, покусанная, в малиновых дорожках волдырей и розовых пятнах горя, гостя отбыла восвояси.

Уездный город сиял ей вслед золочеными куполами недавно отреставрированных монастырских храмов.

Константин Емельянов

(г. Александрия, шт. Вирджиния, США)

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Родился в городе Алма-Ата, Республика Казахстан, в 1966 году. Окончил Казахский государственный университет (факультет журналистики) в 1989 году. Работал в казахстанских газетах, журналах и на радио. С 1997 года проживаю в США на ПМЖ. Последние публикации — в журналах «Чайка», «Каскад», «Новый Журнал», «Русский Глобус» (США), «Великороссъ» (Россия), «Литературная Алма-Ата» (Казахстан), «TheBombayReview» (Индия).

Первым в доме, где-то в сентябре, появился Блиц. Назвали его так в честь популярной городской газеты — Караван-Блиц. С короткими лапами и маленьким туловищем, покрытыми черной вьющейся шерстью. Уши его всегда были прижаты, а взгляд, если может быть такой у собаки, опущен вниз. Как будто он постоянно боялся получить по башке. Зато красная и мокрая пасть постоянно ощерена в усмешке. Был он неказист, незлобив, но очень активен. Радостно вязывался во все дворовые собачьи свары, когда Хозяйка водила его выгуливаться дважды в день. Визгливо заливался в ответ на любой шум в подъезде или звонок в дверь. Правда, при виде хозяев и вообще людей, приветливо стучал поседевшим хвостом об пол. Если бы Блиц родился человеком, он бы стал мелким воришкой, клептоманом. Тащил он ежедневно, у Хозяйки новые бюстгалтеры на резинке, у Хозяина — пачки сигарет и импортные зажигалки. Затаскивал добычу к себе в логово — под кровать в спальне — и с хрустом сгрызал все до мелких крошек.

Как-то раз Хозяин поймал его, что называется с поличным, с новой зажигалкой в зубах, и сгоряча дал ему легкого пинка под зад. Какую истерику закатил тогда незадачливый воришка! С визгом и воем, как будто его убивают, пронесся пес из гостиной в спальню и оскорбленно затих под кроватью. Хозяйка ничего не сказала Хозяину тогда, только губы недовольно поджала.

Покулив на балконе и успокоившись, Хозяин стал искать Блица. Чтобы помириться. Тот лишь тихо поскуливал под кроватью, но на уговоры не отзывался. Пришла ночь, и все в доме легли спать. Да только Хозяину, томимому муками совести, не спалось. Все ворочался он с боку на бок, пока вдруг не уперся рукой в горячий прощающий язык, облизывающий его из-под кровати.

— Хороший мой! — приговаривал Хозяин, растроганно лаская морду пса.— Прости меня! Никогда не буду больше!

Негромко стучал об пол хвост в ту ночь и еще долго слышны были уговоры, извинения и поскуливание. Все были прощены и воцарился мир.

А потом появилась Макс. Красавица кошка с белой мордашкой и тельцем в черную крапинку. Шикарным розовым носом, похожим на маленькое мокрое сердечко.

Когда она сердилась, розовый нос становился темно-малиновым. Еще подушечки лап у нее были нежно-розовыми. А называли ее так в честь Хозяйкиной любимой радиостанции.

Первое, что Макс сделала, запрыгнув на кресло и изящно выгнув спину — когтистой лапой поддала под зад Блицу. Тот как раз копошился с очередной добычей под креслом. Но вместо того, чтобы наказать нахалку, пес опять с воем и визгом позорно бежал через всю квартиру в убежище.

Он, правда, иногда пытался похотливо пристроится к Максусзади, для своих мужицких надобностей. Но ловкая кошка либо прыгала с места на спинку кресла, цепляясь когтями за обивку. Туда, где Блицу было ее не достать. Или, если бежать было некуда, била насильника острой лапой по морде. Тот вскоре и сам перестал к ней приставать.

Пришел декабрь. Хозяйке предложили работу. Получше, но в другом городе. А была она тогда уже на пятом месяце. Решили, что двоих животных, да еще с ребенком семья не прокормит. А потому решили, что Хозяйка с Максом поедут на новое место, а Хозяин будет продавать квартиру и искать Блицу «хорошие руки». Через знакомых нашли бабку, живущую в частном секторе за городом. За небольшую плату согласилась она собаку взять. И вот в морозный зимний день Хозяин повез пса на новое место на городском автобусе. Всю дорогу Блиц отчаянно трусил и даже мелко дрожал как будто везли его на убой.

— Да не бойся ты так, дурень! — утешал его Хозяин, почесывая пса под ухом, — никто тебя там мучить не будет!

Однако последние несколько метров до нового дома испуганного Блица пришлось нести на руках. Так как сам он был идти не в состоянии.

Но как только перешагнули через деревянную калитку, Блиц вдруг успокоился. По чистому, выметенному двору как по проспекту деловито вышагивали несущки со своим выводком. В углу, позвякивая ржавой цепью, дружелюбно виляла хвостом очень старая дворняга. Внутри дома понравилось еще больше. Из кухни вкусно пахло вареным мясом, а по деревянному полу из комнаты в комнату носились друг за другом два молодых и нахальных кота. Один из них, рыжеватый с тонкими лапами, на ходу перепрыгнул через опешившего Блица, продолжая забавы.

Позже бабка расскажет Хозяину, что Блиц иногда играет с котами, а еще очень хочет стать сторожем. Для этого он теперь отважно лает на всех прохожих из-за забора. И зажигалки с бюстгальтерами воровать перестал. Да их у бабки и нету.

Между тем у Хозяйки с Максом в аэропорту сложилось не все гладко. Не нашлось стандартной клетки для перевозки. Так что кошку поместили в обычную картонную коробку, заклеив изолентой и оставив маленькую дырку в стенке — для воздуха. И поместили в таком виде в багажном отделении.

По прилету, когда затихли звуки мощных двигателей, в салон с пассажирами из багажного донесся дикий вой. При получении багажа Хозяйка обнаружила, что коробка изодрана изнутри, а из дыры торчит белая кошачья лапа с розовой ладошкой. В дырке виден малиновый от страха нос Макса, а мяукает она столь отчаянно, что это больше похоже на ругательства. Пока Хозяин продавал квартиру на старом месте, Макс с Хозяйкой обживались на новом. Будучи уже на восьмом месяце, одна в чужом городе, да еще зимой, Хозяйка часто плакала по ночам. Было бы еще хуже одной, если бы не Макс. Верная кошка всегда была в такие минуты рядом, мурлыча и свернувшись в позу сфинкса на коленях. Очень часто сворачивалась она клубочком на хозяйкином боку, спине, а то и на животе. Так и засыпали в обнимку, коротая долгие зимние ночи. С той зимы всем другим в доме кошка предпочитала Хозяйку.

Маленьким детям, появившимся вскорости, она тоже позволяла многое. Терпеливо сносила, когда рвали шерстку маленькими ручонками или пыхтя носили по комнате. Никого из малышни ни разу не укусила и не поцарапала. Однажды двухлетнего сына даже вырвало на нее испорченными пончиками. Макс, как и все кошки, будучи чистюлей, очень тогда страдала, но терпела. И продолжала дремать в позе сфинкса на Хозяйкиных коленях и животе. Еще любила спать на козырьке от газовой плиты, а ночью воевать с ногами Хозяина, прыгая и царапая их как диковинных чудовищ. Каждое утро просыпалась она раньше всех, съедала завтрак и провожала мурлыканьем взрослых на работу, детей в садик и школу. Вечером также радостно встречала их у двери, мурлыча и потираясь щеками об ноги. А когда кто-нибудь в доме плакал или болел, Макс была рядышком, урча негромко на коленях или под боком. И сразу становилось легче.

Подросли дети, превратившись в подростков. Разменяли пятый десяток Хозяйка с Хозяином, а Макс так вообще по всем кошачьим меркам стала старушкой. Все-таки почти двадцать лет прожила она в семье — срок жизни для кошек немалый. Теперь она долго спала днем на диване, а по ночам бродила по дому неверным шагом и истошно орала: «Н-Нар-Воол!». Иногда пыталась мяукать, даже рот открывала, а слышно не было. Как телевизор с выключенным звуком. Налицо были и другие признаки угасания. Перестал работать желудок как раньше, и пища все чаще оставалась на полу. Случались и прочие недоразумения, когда не успевала добежать до коробки с песком, служащим ей туалетом. Все в доме знали к чему это, но мысли отгоняли. Хотя и ветеринарный врач, старый друг семьи, уже в открытую предлагал назначить день. Но пока все лишь вздыхали и тянули время. До последней минуты.

Однажды утром Хозяин нашел Макса сидящей в своей привычной позе сфинкса, только в ванной без воды. В начале лета было жарко и дом прогревался за день как духовка, да и ночью остывать не успевал. Сидела кошка на прохладной эмалированной поверхности, вся какая-то потухшая, вялая. Даже ночью не голосила как обычно. На вошедшего Хозяина не отреагировала, даже хвостом не помахала. Вечно такая чистюля, умывавшаяся по десять раз за день, сейчас сидела она растрепанная, с торчавшими линялыми космами вместо гладкой и лоснящейся когда-то черно-белой шерстки. Просто как комок шерсти на дне пустой ванны. Лишь смотрела полужакрытыми глазами перед собой. Никого и ничего не замечая. С тяжелым сердцем ушел Хозяин на работу. А когда вернулся, Макса уже не было. Хозяйка с дочкой в слезах отвезли ее к ветеринару. Откуда кошка уже не вернулась. Так и осталась в памяти она тихо сидящей в ванной без воды, растрепанной и с потухшим взглядом.

Три месяца никто и слышать не хотел ни о новой кошке, ни о собаке и даже о рыбках в аквариуме. Дома стало тихо, грустно и пусто. Лишь исчезли из кухни две миски для корма и воды, да коробка с песком из прихожей. На четвертый месяц пошли в воскресенье в ближайший приют для животных. Так, посмотреть. В приюте коты и кошки приبلудные и людьми обиженные, но по-прежнему в них нуждающиеся, очень хотели семье понравится. И спины выгибали, и мордашками об клетку терлись, и мурлыкали приветливо. Чуть только по-человечески не говорили. Но как-то все это было не то.

Так и продолжали Хозяйка с Хозяином и с дочкой ходить из одного приюта в другой. Через месяц эти походы стали чем-то вроде воскресной привычки. Но постоянно возвращались домой одни. А в доме иногда казалось, что Макс вот-вот вылезет из-под дивана, как раньше, и, мурлыча, усядется в позе сфинкса на колени.

Но вот однажды, уже осенью, на очередных просмотрах вдруг понравилось всем, как потянулась доверчиво носом к вытянутому пальцу Хозяина серая дымчатая кошка. Когда-то также тянулась к людям Макс.

Новую гостью звали по-простому: Лиза. Конечно, была она не такая красавица как Макс. И не такая смышленная. Как-будто кто-нибудь смог бы Макса заменить! Но Лиза была симпатичная, с большими глазами, серой короткой шерстью в разводах, и таким же серым и мокрым носом. Только подушечки лап были у нее не розовые, а черные. Как будто носила бархатные черные перчатки и носки. Когда принесли Лизку домой, она сразу же спряталась. День-два не появлялась и даже не притрагивалась к блюдам с едой и питьем, вновь появившимся на кухне. А пообвыкнув немного, стала Лизка новым хозяевам всячески показывать свою любовь. То, запрыгнув на диван, подлезала под руку Хозяину, тыкаясь в ладонь мордашкой: давай, мол, гладь! То ночью, держа в зубах полузадушенных кузнечика или паука, приносила и оставляла как гостинцы возле хозяйкиной подушки. То, урча и выгибаясь, поворачивалась серым задом к детям. И чем больше зад гладили, тем больше он выгибался. Иногда на потеху всем гонялась за собственным хвостом или билась с хозяйским ботинком. С топотом, как конь, носилась по квартире по ночам. Из всех домашних никого не выделяла и ни разу не замирала в позе сфинкса ни на коленях, ни на руках. Может из-за этой легкой отчужденности дети стали вдруг заводить разговор о новой собаке. Даже Хозяйка заколебалась. На что Хозяин категорично отвечал, что не представляет, как вечно спешащие подростки, которых и дома не бывает, смогут гулять с собакой два раза в день. Как всегда, решили подождать и все обдумать. Лизке, понятное дело, подобные разговоры были безразличны. Даже если бы она их понимала. Свой то дом она уже нашла. Вот и сейчас, проводив всех в школу и на работу, она улеглась на подоконнике, как когда-то Макс. И стала смотреть свой «кошачий ТВ»: на прыгающих за окном птиц и белок. Как когда-то это делала Макс. И в те минуты не было ей дела ни до чего остального. Она же не может обо всем сразу думать. И Макс не могла. И, налаявшийся за день, Блиц не мог, когда отработав сторожем, валился на свой коврик и засыпал, похрапывая. А так они почти такие же, как мы. Только ростом поменьше.

Дмитрий Шарабарин
(г. Бийск)

РАССКАЗЫ

Автор родился в Томской области, школьное и высшее педагогическое образование получил на Алтае. С 1983 по 2016 год — руководитель Бийского литературного объединения «Парус». Автор более двадцати сборников стихов, повестей, рассказов и очерков. Публиковался в центральных, сибирских, краевых и местных издательствах. Лауреат муниципальной и трех краевых литературных премий. Награжден несколькими медалями, в том числе «За служение литературе». С 2014 года — руководитель Бийского отделения писательской организации РФ. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

БОМЖИ

На автобусной остановке, когда скапливаются люди, появляется рослый рыжевато-тот пес, помесь овчарки с дворнягой. Это наскоро сляпанное природой в бродячих условиях рыжеватое существо с внимательными хитрыми глазами и чутко настороженными ушами хорошо адаптировалось в рыночных условиях.

Пес внимательно изучает пассажиров, заглядывая людям в глаза. Выбрав чаще всего какую-нибудь пожилую женщину с продовольственной сумкой, он начинает заученный ритуал выпрашивания. Прогибает спину, склоняет голову, смотрит просящим долгим взглядом и подобострастно машет хвостом. Но сам всегда настороже. Знает, что не все любят попрошайек. Правая задняя нога покалечена. На пробегающих мимо собак грозно рычит. Конкуренты. Он прошел суровую школу нищенства, заматерел. Родился от бродяг и закончит свои дни бродягой.

Другой собачий бомж, маленький, темно — рыжий, с торчащими ушами и по — азиатски реденькой ершистой бородкой на морде, все время отирается у крайнего подъезда нашей пятиэтажки, тоскливо вглядываясь в лица входящих и выходящих жильцов. Он ищет хозяина. А его все нет и нет. Может, съехал отсюда, а может, выбросил своего друга за ненужность. Такое сейчас сплошь и рядом. А песик-то домашний, к теплу привык. Холодно ему по ночам. Зима близится. Скоро настоящие морозы нагрянут с метелями и снежными сугробами.

Бегают песик вокруг ближайших домов, лает, воем по ночам. С бродячими собаками не общается, убегает от ребятни, к взрослым относится недоверчиво.

Вспомнилось, что несколько лет назад здесь уже был такой же бездомный пес, тоже маленький, только черный, лохматый. Его подкармливали прохожие, ребяташки играли с ним. Поймают, тормозят его, а он упадет на спину и повизгивает от удовольствия. Никто не обижал его. Так было целое лето. А потом он исчез. Хочется думать, что нашлись добрые души и пригостили, одомашнили бедолагу. Мир-то на таких держится. Иначе бы давно уже рухнул от жадности и злобы.

Возле гаражей во дворе ребяташки соорудили из коробок и досок два общежития. Одно для бродячих кошек, другое для собак. А сердобольные женщины ежедневно приносят туда остатки от обедов. Вот и пробивается этим все окрестное бездомное собачье — кошачье население.

Несколько дней песика не было видно. Но потом снова послышался его голос. Сидит, как всегда, возле подъезда и лает с привыванием. Холодно.

Жалко песика. Набрал в пакет из холодильника еды и пошел кормить отшельника, собачьего сына. Тот съел кусочек, сел и посмотрел на меня благодарным долгим взглядом. Может быть, хотел показать, что не совсем одичал. И не подачки ему нужны, а верный хозяин.

Проблема собачьих бомжей, сбивающихся в голодные стаи, все более обостряется. Это очередной ответный вызов природы. В милых, верных, ласковых существах вдруг хищно просыпаются гены дикого прошлого. Братья наши меньшие требуют к себе должного внимания.

ЛЕВША ИЗ МАНЖЕРОКА

Недавно один из бийских литераторов, встретив меня, выдрал исписанный карандашом лист из своего бланкета:

— Возьми. Был в селе Манжерок и там, в краеведческом музее, переписал материал об удивительном человеке с твоей фамилией. Может, сгодится для размышлений.

Я стал читать. Человек по прозвищу Манжерокский Левша прожил в селе Манжерок несколько десятилетий и умер в конце прошлого века.

Сообщение это заинтересовало, потому что фамилия моя встречается не часто даже в том сельском предгорном районе Алтая, откуда родом мои деды и прадеды. Судьба исконно крестьянского рода нашего оказалась трагической. Подрубили корни его и гражданская резня, и чума сталинских репрессий, и Великая Отечественная война. Перемололи жернова истории мужское племя моих родичей, оставив длинные списки имен на городских и сельских мемориалах, в архивах и Книгах Памяти. Вот и пошли ветви от родового ствола по женской линии, с другими фамилиями. А фамилия наша образовалась, прочитал у В. И. Даля в «Словаре», от названия домашнего скарба, всякой мелочи (оренбургский говор) — «шарабара». С южного Урала, значит, пришли наши далекие предки на Алтай. Возможно, не по своей воле. Здесь и расселились. А корень рода там, в казачьей земле, остался. Там его искать надо.

Немного удалось узнать из блокнотного листа, но достаточно для того, чтобы представить этого человека. Его поступки, привычки, мысли. Его чужаковатость. Надо бы специально съездить в Горный Алтай, поговорить с теми, кто еще помнит Манжерокского Левшу...

Звали его Иваном. Жил он одиноко, работал пастухом по найму. Спал на сене в сарае. Такая у него была странность. А еще Иван был отменным мастером. Фигурки зверей и людей из дерева делал — загляденье! Работал левой рукой, потому и Левшой прозвали. А поделки раздаривал сельчанам и приезжим.

Иван был удачливым охотником и рыбаком, хорошо знал и любил Катунь, окрестную тайгу, горы. По осени уходил с ружьем на несколько недель заниматься промыслом. Жил в кордонах. А еще он умел объездить молодую лошадь, набросить аркан на жеребенка метров за тридцать и мог на лодке пройти любой перекал на Катунь.

Однако Манжерокский Левша остался в памяти односельчан прежде всего за то, что всегда был готов прийти на помощь тому, кто оказался в беде. Однажды он спас одного приезжего смельчака, что спьяну доплыл до скалистого островка посреди Катунь, где выдохся, замерз и готовился уже отдать Богу душу. Никто из местных не

решался подойти на лодке к скале. Уж больно сурова здесь Катунь — стремнины и водовороты. Бросились искать Ивана, которого нашли только к вечеру на дальнем кордоне.

Манжерокский Левша перебросил петлю аркана через протоку, зацепился за макушку скалы на острове, а другой конец веревки укрепил за дерево на берегу. Получилась переправа, при помощи которой Иван спас едва живого, окоченевшего до синевы Робинзона, и снова молча ушел в горы.

Мне этот эпизод с переправой напомнил случай многолетней давности времен моего студенчества.

Мы, несколько студентов, работали в археологической экспедиции, организованной нашим краеведческим музеем, на раскопках стоянки древних людей на левом берегу Катуни прямо за мостом у села Усть-Сема. Работы проводились в августе. В один выходной день мой друг Саня, художник в отряде, парень сильный, решительный, приглядел на катунском островке, примерно в километре от лагеря, кедр с шишками и, раздевшись, мощными саженками одолел протоку. Оказавшись на островке, он набрал шишек, но плыть обратно не смог. Ни сил, ни смелости не хватило. Вода грохочет, как ошалелая, а он сидит в плавках на камнях и кричит нам, собравшимся на берегу, напротив островка:

— Ребята! Помогите! Замерзаю!

Солнце к закату. Мы бегом в деревню за лодкой. Рыбаки дали старенькую плоскодонку. Сами плыть отказались. Посоветовали:

— Сразу выгребайте на середину реки, а потом — к носу острова. Там течения сталкиваются, и образуется обратный поток. Только надо грести во всю мощь.

Саню мы выручили, но пережили немало страха за свою жизнь. Поэтому я проникся особым уважением к своему незнакомому однофамильцу, Левше из Манжерока.

Был он коренаст, молчалив, смел и решителен в действиях. Но почему-то не обзавелся семьей и не оставил потомства. Странно все это. А то, что он был человеком стоящим, — правда истинная. Вон даже в музее о нем кто-то записки оставил. Значит, не зря жил человек с моей фамилией на земле.

Кира Крестьянкина*
(г. Тула)

СКАЗКИ

Пишет для детей и всех, в ком живет ребенок. Неоднократно занимала призовые места в районных и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза. Печаталась в альманахах «Иван-Озеро», «На крыльях Пегаса», журнале «Приокские зори».

ЧЕЧЕТКА

Жил да был лягушонок, который хотел бить чечетку. Но все вокруг говорили: — Что за глупости? Не лягушачье это дело! Как ты собираешься этим заниматься? У тебя нет копыт. И вся твоя чечетка — это шлепанье по воде. Выкинь эту ерунду из головы и присоединись к своим братьям. Они выводят чудесные трели по вечерам. Лягушачий хор! Что может быть интереснее?!

Но лягушонок не соглашался, он не пошел в хор, продолжая грезить своей мечтой.

Когда никто не видел, он выпрыгивал на плитку и шлепал по ней задними лапками, пытаясь выстукивать ритм.

Чувство ритма, несомненно, было ему присуще. Но настоящей чечетки все же не выходило. Оно и не удивительно, лапки лягушек мало были к этому делу приспособлены, но лягушонок не отчаивался. Каждую ночь, когда братья уже посапывали в две дырочки, он выпрыгивал на плитку и продолжал тренировку. Проходя мимо можно было услышать ритмичные шлепки по земле. И если бы кто-то захотел узнать об источнике этих звуков, то, раздвинув высокую траву, он увидел бы лягушонка, который отбивает чечетку в лунном свете...

А днем каждый раз, когда лягушонок проходил мимо, братья смелись над ним. Кричали ему вслед:

— Царь чечетки идет.

— Смотрите, это же царь чечетки!

Конечно, лягушонку было обидно. Но он ничего не отвечал обидчикам, а скакал дальше. А когда становилось особенно грустно, ему на помощь прибегал друг. Хотя слово «прибегал» тут не совсем уместно. Ведь его друг был черепахой. Могут ли черепаха и лягушонок быть друзьями? Конечно, да!

Разве есть правила, запрещающие это? Не важно, что один из них носил на спине панцирь, а второй высоко прыгал. Они были настоящими друзьями. И вместе их можно было встретить и на суше, и под водой. Они часто были вдвоем. Несмотря на разницу в скорости перемещения, разницы в образе мышления у них не было. Кто-то, а они-то друг друга понимали...

* Иллюстрации к сказкам художницы Е. Рамсдорф (Германия).

— Слушай, лягушонок, тебе нужно что-то делать с лапами — сказала однажды черепаха.

— Что ты имеешь в виду? — Не понял лягушонок.

— Ты ведь бьешь чечетку, но тебя совсем не слышно. Не подходящие у тебя для этого дела лапки, понимаешь?

— Да уж, — вздохнул лягушонок. — Это я понимаю, как никто другой. Но что я могу сделать?

— Вот об этом нам с тобой и надо поразмыслить.

И принялись они думать.

И стоя думали.

И лежа.

И плавая.

И во время еды.

И во время игры.

Молча думали.

И вслух.

Пока, наконец, черепашка не сказала:

— Камешки! А почему бы тебе не смастерить себе ботинки при помощи камешков! Они будут стучать по каменной поверхности, а это создаст нужный звук.

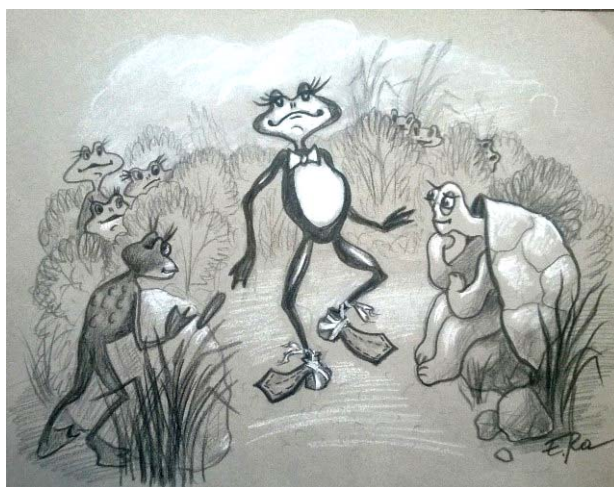
И они принялись собирать материал для чечеточных ботинок! Потратили на тщательный отбор весь день. Навыков шитья обуви у них, к сожалению, не было, поэтому они решили воспользоваться помощью знатного обувщика.

Это была сороконожка. У нее столько ног, и каждая должна быть в тепле и комфорте, поэтому она научилась делать отменную обувь. Вот к ней-то и обратились наши лягушонок и черепашка.

Немного поворчав о небывалом заказе, сороконожка все же решила сделать пару обуви для лягушонка из принесенного друзьями материала. На самом деле она любила преодолевать трудности, а небывалый обувной заказ — это как раз то, что нужно для поддержания ее профессионализма.

Три дня упорного труда, и сороконожка преподнесла лягушонку его чудо-обувь прямо на подносе, и даже ленточкой перевязала.

Лягушонок и черепашка не скупилась на слова благодарности. Оставив сороконожку довольную и счастливую, они поспешили на плитку, им не терпелось испробовать башмачки.

Лягушонок сначала примерил свою обновку, она оказалась впору! А потом выпрыгнул на каменные плиты. И задал такой ритм, что у черепашки дух захватило. Звук был громкий и четкий! Он разносился по всей округе, и вот то из одного куста, то из-за другого стали появляться его собратья-лягушата и с удивлением глядеть на это представление.

А лягушонок ни на кого не смотрел, он просто бил чечетку так, как ему подсказывало сердце. Слушая музыку в своей голове и отбивая ее ритм. Действовал он так ловко, что присутствующим стало совестно за их издевки над лягушонком. Ну, может, и не всех совесть стала мучить (ведь, она, к сожалению, у некоторых отсутствует), но большинство осознало свою неправоту по отношению к этому, как оказалось, талантливому лягушонку.

А вот черепашка смотрела на лягушонка с нескрываемой гордостью.

Мы не знаем, что станет с лягушонком и его чечеточным талантом дальше, но сейчас он занимался любимым делом! Несмотря ни на что, он продолжал свою чечетку. И с этими ботинками, наконец, смог бить ее по-настоящему хорошо. Мечта его сбылась, и он был рад.

А еще он был рад, что у него есть черепашка, и она будет с ним, тоже несмотря ни на что...

РАНЕЦ

Это был чудесный ранец. У него было множество различных карманов и кармашков, замочков и застежек, он был красного цвета, с яркими нашивками. И самое главное — он был совершенно новый, только что из магазина, никто еще с ним никуда не ходил. И девочка Люба ждала первого сентября, когда она впервые сможет взять его с собой в школу.

В жизни каждого человека наступает такой день! Первый звонок, первая линейка, первый урок, первый учебный день... Волнительно? Страшновато? Неизвестно? Интересно? Некоторые дети очень хотят пойти в школу, им хочется увидеть тот мир, о котором постоянно твердят взрослые. Нельзя сказать, что Любочка была из их числа. Вовсе нет, она приняла новость о том, что скоро в школу, спокойно. Девочка знала — все дети идут туда, что тут радоваться или расстраиваться? Но рюкзак был то, что надо, она сама его выбирала вместе с родителями, а еще к нему присоединились: множество тетрадок, пенал с попугаями, всевозможные карандаши, ручки, стерка со слоником, линейка и многое другое.

Но, конечно, все эти предметы без ранца просто не имели смысла. Он был главный, и он объединял их вместе.

— Вот и выросла наша кроха,— шептались ночью ожившие игрушки. Вы ведь знаете, что стоит нам всем заснуть, как предметы в доме оживают?

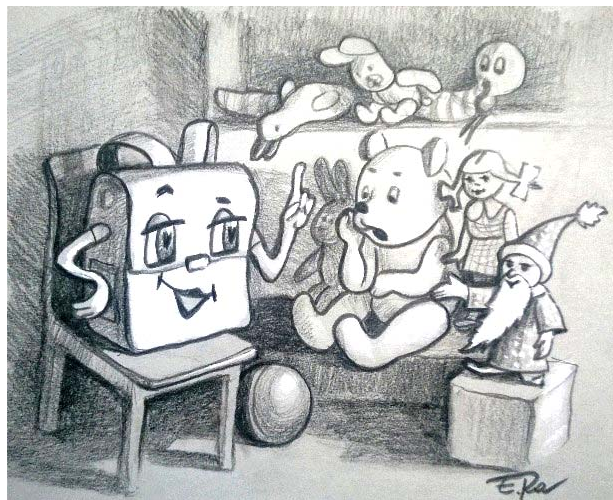
— Да-да, совсем большая, и теперь у нее будут совсем другие «игрушки» — вздыхали куклы.

— Эй, ранец! — Позвал плюшевый мишка, — следи за ней в школе как следует, мы-то не сможем ее больше оберегать, теперь ты за нее отвечаешь.

— Не беспокойтесь! — Заверил жизнерадостный ранец,— она попала в надежные «руки». Я буду всегда рядом. А каждый вечер стану рассказывать вам обо всем, что было интересного в этот день, и вам не придется скучать.

— Похоже, товарищи игрушки, у нас появился хороший новый друг.— Заметила большущая собака.— Кажется, ему можно доверить нашу Любочку.

— Как же все-таки быстро растут дети, — покачал головой гномик с длинной белой бородой, его уже потрепанный красный костюмчик и колпак напоминали, что он знал еще маму Любы совсем маленькой.

Вдруг девочка зашевелилась в своей кроватке, и все притихли. Перед первым школьным днем она все же немного волновалась, поэтому проснулась среди ночи. Потерла глаза и, откинув одеяло, потопала босыми ножками в сторону своих игрушек, схватила гномика, и побежала обратно на кровать, пока еще не успела испугаться ночных монстров. Забравшись под одеяло, Люба крепко прижала гномика к себе и вскоре уснула.

— Надо же, вспомнила про меня, кроха.— Расчувствовался старый гномик.

— Похоже, не совсем наша девочка выросла, на что-нибудь мы ей еще пригодимся.— Улыбнулся медвежонок. Все куклы согласно закивали.

— Вот так, новых друзей приобретаешь, а про старых не забывай.— Прозвенел всевозможными застежками ранец.

